

Информация для цитирования:

Матвеев А. Г., Синельникова В. Н. Объекты интеллектуальной собственности, получающие охрану в XXI веке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 44. С. 281–309. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-281-309.

Matveev A. G., Sinelnikova V. N. Ob'ekty intellektual'noy sobstvennosti, poluchayushhie okhranu v XXI v. [Intellectual Property Objects Acquiring Protection in the 21st Century]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2019. Issue 2. Pp. 281–309. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-281-309.

УДК 347.77+347.78

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-281-309

ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ПОЛУЧАЮЩИЕ ОХРАНУ В XXI ВЕКЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00628

А. Г. Матвеев

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-5808-939X

ResearcherID: F-1946-2016

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-348-353

10.17072/1995-4190-2017-38-484-496

E-mail: la-musica@yandex.ru

В. Н. Синельникова

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского и предпринимательского права
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20

ORCID: 0000-0002-4544-0005

ResearcherID: L-1496-2015

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.18796/0041-5790-2019-1-58-62

E-mail: valents1@mail.ru

Поступила в редакцию 02.02.2019

Введение: эффективная правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности является одним из условий динамичного развития современного общества. Перечень объектов интеллектуальной собственности не является неизменным, отдельные результаты, утрачивая свою актуальность, исключаются из перечня охраняемых, дру-

© Матвеев А. Г., Синельникова В. Н., 2019

Информация для цитирования:

Matveev A. G., Sinelnikova V. N. Ob'ekty intellektual'noy sobstvennosti, poluchayushhie okhranu v XXI v. [Intellectual Property Objects Acquiring Protection in the 21st Century]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2019. Issue 2. Pp. 281–309. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-281-309.

UDC 347.77+347.78

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-281-309

INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS ACQUIRING PROTECTION IN THE 21ST CENTURY

The research was conducted with the financial support of the RFBR (Russian Foundation for Basic Research) as part of the research project No. 18-011-00628.

A. G. Matveev

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0002-5808-939X

ResearcherID: F-1946-2016

Articles in the databases 'Scopus'/'Web of Science':

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-348-353

10.17072/1995-4190-2017-38-484-496

E-mail: la-musica@yandex.ru

V. N. Sinelnikova

National Research University Higher School of Economics
20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia

ORCID: 0000-0002-4544-0005

ResearcherID: L-1496-2015

Articles in the databases 'Scopus'/'Web of Science':

DOI: 10.18796/0041-5790-2019-1-58-62

E-mail: valents1@mail.ru

Received 02.02.2019

Introduction: efficient legal protection of intellectual outputs is essential for the dynamic development of modern society. The list of intellectual property objects is not intended to be exhaustive, separate outputs lose their relevance and become excluded from the list of protected objects, while new ones, on the contrary, are added to it. **Purpose:** this work aims to identify the tendencies regarding the extension of the range of intellectual property objects at the beginning of the 21st century, and to define the scientific and technological progress results that were granted protection under the influence of the Fourth Industrial Revolution and other factors. **Methods:** the method of formal logic, historical, comparative legal, systemic structural and formal dogmatic methods were used in course of the analysis. **Results:** international legal regulation does not provide clearly-defined guidelines to restrict the sphere of intellectual property. This factor undoubtedly contributes to expanding the list of its objects. At the beginning of the

© Matveev A. G., Sinelnikova V. N., 2019

гие, наоборот, пополняют его. **Цель:** выявление тенденций по расширению круга объектов интеллектуальной собственности в начале XXI в., определение результатов научно-технического прогресса, получающих охрану под влиянием Четвертой промышленной революции и других факторов. **Методы:** методы формальной логики, исторический, сравнительно-правовой, системно-структурный и формально-догматический методы. **Результаты:** международно-правовое регулирование не устанавливает четких рамок, ограничивающих сферу интеллектуальной собственности. Несомненно, этот фактор благоприятствует расширению круга ее объектов. В начале XXI века законодательно установленные перечни охраняемых авторским правом произведений практически не дополнялись новыми позициями. Наиболее динамично институт смежных прав развивается в праве Европейского Союза. В Директиве об авторском праве на едином цифровом рынке предлагается признать два новых смежных права. Первым является право издателей прессы на онлайн-использование их публикаций агрегаторами новостей. Вторым смежным правом, включенным в проект Директивы, стало право на освещение спортивных мероприятий. Однако в феврале 2019 г. положения об этом праве были исключены из Директивы. С нашей точки зрения, биомедицинские клеточные продукты являются новыми объектами гражданского оборота, которые нуждаются в самостоятельном правовом регулировании как элементы интеллектуальной собственности. **Выводы:** право интеллектуальной собственности не может и не должно изменяться с созданием каждого нового вида объектов. Современный вызов общества цивилистической науке и законодателю – сформулировать нормы, обладающие универсальностью и позволяющие уже на стадии экспериментов охранять права авторов и разработчиков технических решений.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; объект; произведение; смежные права; пресс-публикации; спортивные мероприятия биомедицинские клеточные продукты географические указания; коммерческие обозначения

INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS ACQUIRING PROTECTION IN THE 21st CENTURY

A. G. Matveev

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0002-5808-939X

ResearcherID: F-1946-2016

Articles in the databases 'Scopus' / 'Web of Science':

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-348-353

10.17072/1995-4190-2017-38-484-496

E-mail: la-musica@yandex.ru

V. N. Sinelnikova

National Research University Higher School of Economics
20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia

ORCID: 0000-0002-4544-0005

ResearcherID: L-1496-2015

Articles in the databases 'Scopus' / 'Web of Science':

DOI: 10.18796/0041-5790-2019-1-58-62

E-mail: valents1@mail.ru

Received 02.02.2019

21st century, law-based lists of copyrighted works did not include any new items. The institute of neighboring rights is most dynamically developing in the Law of the European Union. The Directive on Copyright in the Digital Single Market proposes recognizing two new neighboring rights. One of them is the right of the press publishers for online use of their publications by the news aggregators. The other neighboring right included into the draft Directive was the right to coverage of sporting events. However, in February, 2019, the provisions on this right were excluded from the Directive. In our opinion, biomedical cell products constitute new objects of civil circulation that require their own legal regulation as intellectual property constituents. **Conclusions:** intellectual property law cannot and should not undergo changes with the emergence of every new kind of objects. The contemporary challenge facing civil jurisprudence and the legislature is to formulate universal regulations that would make it possible to protect the rights of authors and developers of technological solutions even at the stage of experiments.

Keywords: intellectual property, object, work, neighboring rights, press-publication, sporting events, biomedical cell products, geographical indications, commercial designations

ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ПОЛУЧАЮЩИЕ ОХРАНУ В XXI ВЕКЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00628

A. G. Matveev

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-5808-939X

ResearcherID: F-1946-2016

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-348-353

10.17072/1995-4190-2017-38-484-496

E-mail: la-musica@yandex.ru

V. N. Sinelnikova

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского и предпринимательского права

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20

ORCID: 0000-0002-4544-0005

ResearcherID: L-1496-2015

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.18796/0041-5790-2019-1-58-62

E-mail: valents1@mail.ru

Поступила в редакцию 02.02.2019

Введение: эффективная правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности является одним из условий динамичного развития современного общества. Перечень объектов интеллектуальной собственности не является неизменным, отдельные результаты, утрачивая свою актуальность, исключаются из перечня охраняемых, другие, наоборот, пополняют его. **Цель:** выявление тенденций по расширению круга объек-

Introduction: efficient legal protection of intellectual outputs is essential for the dynamic development of modern society. The list of intellectual property objects is not intended to be exhaustive, separate outputs lose their relevance and become excluded from the list of protected objects, while new ones, on the contrary, are added to it. **Purpose:** this work aims to identify the tendencies regarding the extension of the range of intellectual property objects at the beginning of the 21st century, and to define the scientific and technological progress results that were granted protection under the influence of the Fourth Industrial Revolution and other factors. **Methods:** the method of formal logic, historical, comparative legal, systemic structural and formal dogmatic methods were used in course of the analysis. **Results:** international legal regulation does not provide clearly-defined guidelines to restrict the sphere of intellectual property. This factor undoubtedly contributes to expanding the list of its objects. At the beginning of the 21st century, law-based lists of copyrighted works did not include any new items. The institute of neighboring rights is most dynamically developing in the Law of the European Union. The Directive on Copyright in the Digital Single Market proposes recognizing two new neighboring rights. One of them is the right of the press publishers for online use of their publications by the news aggregators. The other neighboring right included into the draft Directive was the right to coverage of sporting events. However, in February, 2019, the provisions on this right were excluded from the Directive. In our opinion, biomedical cell products constitute new objects of civil circulation that require their own legal regulation as intellectual property constituents. **Conclusions:** intellectual property law cannot and should not undergo changes with the emergence of every new kind of objects. The contemporary challenge facing civil jurisprudence and the legislature is to formulate universal regulations that would make it possible to protect the rights of authors and developers of technological solutions even at the stage of experiments.

Keywords: intellectual property, object, work, neighboring rights, press-publication, sporting events, biomedical cell products, geographical indications, commercial designations

Введение

Современное общество находится в состоянии активного научно-технического развития, которому сопутствуют повсеместное использование инновационных технологий в различных сферах производства и управления бизнесом, оказания социальных услуг, в том числе медицине, спортивной индустрии, селекции и многих других областях, обеспечивающих комфортную жизнедеятельность человека и гарантирующих безопасность государства. Эти достижения базируются на результатах интеллектуальной деятельности, эффективная правовая охрана которых является одним из условий динамичного развития современного общества.

Накопленный опыт использования указанных объектов и осуществления прав на них позволяет сделать вывод: перечень объектов интеллектуальной собственности постоянно находится «в движении», отдельные результаты, утрачивая свою актуальность, исключаются из перечня охраняемых, другие (новые), наоборот, пополняют его, вынуждая законодателя «держат руку на пульсе». Эту тенденцию принима-

ют во внимание многие аналитики. Профессор Калифорнийского университета Бен Депортер (Ben Depoorter) заметил: «Если бы кто-то был вынужден описать историю права интеллектуальной собственности одним словом, то это нетрудно было бы сделать. Слово, которое приходит на ум, это “экспансия”» [32]. Н. А. Новикова отмечает, что «...законодательно закрепленный перечень объектов интеллектуальных прав не находится в застывшем состоянии, а, наоборот, постоянно уточняется и конкретизируется. Этот процесс является логичным и закономерным, соответствующим общемировым тенденциям развития права интеллектуальной собственности» [18, с. 58]. С нашей точки зрения, такое «движение» законодательства следует признать не только оправданным, но и социально необходимым, а в некоторых случаях и стратегически значимым.

Целью настоящей статьи является выявление тенденций по расширению круга объектов интеллектуальной собственности в начале XXI в., определение результатов научно-технического прогресса, получающих охрану под

тов интеллектуальной собственности в начале XXI в., определение результатов научно-технического прогресса, получающих охрану под влиянием Четвертой промышленной революции и других факторов. **Методы:** методы формальной логики, исторический, сравнительно-правовой, системно-структурный и формально-догматический методы. **Результаты:** международно-правовое регулирование не устанавливает четких рамок, ограничивающих сферу интеллектуальной собственности. Несомненно, этот фактор благоприятствует расширению круга ее объектов. В начале XXI века законодательно установленные перечни охраняемых авторским правом произведений практически не дополнялись новыми позициями. Наиболее динамично институт смежных прав развивается в праве Европейского Союза. В Директиве об авторском праве на едином цифровом рынке предлагается признать два новых смежных права. Первым является право издателей прессы на онлайн-использование их публикаций агрегаторами новостей. Вторым смежным правом, включенным в проект Директивы, стало право на освещение спортивных мероприятий. Однако в феврале 2019 г. положения об этом праве были исключены из Директивы. С нашей точки зрения, биомедицинские клеточные продукты являются новыми объектами гражданского оборота, которые нуждаются в самостоятельном правовом регулировании как элементы интеллектуальной собственности. **Выводы:** право интеллектуальной собственности не может и не должно изменяться с созданием каждого нового вида объектов. Сегодняшний вызов общества цивилистической науке и законодателю – сформулировать нормы, обладающие универсальностью и позволяющие уже на стадии экспериментов охранять права авторов и разработчиков технических решений.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; объект; произведение; смежные права; пресс-публикации; спортивные мероприятия биомедицинские клеточные продукты географические указания; коммерческие обозначения

Introduction

Modern society is characterized by active scientific and technological development, which is accompanied by the increasing use of innovative technologies in different spheres of production, business management and social services, including medicine, sports industry, selection and many other fields, which contributes to comfortable human life and activities and guarantee state security. These achievements are based on the results of intellectual activity, efficient legal protection of which is essential for the dynamic development of modern society.

The experience in application of such objects and exercising rights to them leads to a conclusion that the list of intellectual property objects is not intended to be exhaustive, separate outputs lose their relevance and become excluded from the list of protected objects, while new ones, on the contrary, are added to it, thus

keeping legislators on the alert. This tendency has been noticed by many analysts. According to Professor Ben Depoorter from the University of California, “If one was pressed to describe the *history of intellectual property* law in one word, it would not be hard to do. The word that comes to mind is “expansion” [32]. N. A. Novikova states that “The list of intellectual property objects formalized in legislation is not solidified, on the contrary, it is constantly reconsidered and refined. This process is logical and regular, naturally following from the world tendencies of the intellectual property right development” [18, p. 58]. From our point of view, this “fluidity” of legislation is not only justified but also socially indispensable, and in some cases it even bears strategic meaning.

This work aims to identify the tendencies regarding the expansion of intellectual property objects at the beginning of the 21st century and to

влиянием Четвертой промышленной революции и других факторов.

Сопоставляя эволюцию права интеллектуальной собственности с развитием Западной цивилизации Нового времени (понятие Запада здесь рассматривается по С. Хантингтону [26]), можно обнаружить определенное влияние на этот генезис промышленных революций. Дж. Голдстоун под промышленной революцией понимает «процесс, вроде ускорения темпов технических инноваций, и возникновение модели, охватывающей все больше областей материальной жизни новыми источниками энергии, новым оборудованием, новыми изобретениями и технологиями...» и полагает, что промышленная революция произошла в Британии между 1700 и 1850 гг. [5, с. 215]. Первую промышленную революцию олицетворяет изобретение парового двигателя и железных дорог. Именно во время этой революции в Британии, во Франции и Соединенных Штатах произошло становление авторского и патентного права. Хотя изобретательство и художественное творчество существовали задолго до XVIII в. в разных цивилизациях, сами по себе они не стали факторами, обусловившими появление права интеллектуальной собственности. По справедливому мнению Дж. Голдстоуна, трансформация, изменившая мир в период Первой промышленной революции, произошла благодаря общей вере в неизбежность прогресса и убеждению, что подобный прогресс является реальным для всякого, кто следовал систематической программе экспериментирования и опирался на самые свежие научные знания [5, с. 232].

Вторая промышленная революция, произошедшая на рубеже XIX–XX вв., связана с распространением электричества, внедрением конвейера, возникновением массового производства [27, с. 11]. В это время в качестве объектов авторского права были признаны фотографии и кинофильмы. Изобретение звукозаписи и радиовещания к середине XX в. привело к признанию смежных прав на исполнения, фонограммы и передачи вещания. Третья промышленная революция началась в 1960-х годах. Ее символами являются полупроводники, персональные компьютеры и Интернет. В право интеллектуальной собственности были включены такие объекты, как топологии интегральных микросхем, компьютерные программы, базы данных.

В настоящее время человечество стоит на пороге Четвертой промышленной революции, которая началась на рубеже XX–XXI столетий [27, с. 11]. К. Шваб пишет, что все новые достижения данной промышленной революции имеют одну общую особенность: они эффективно используют силу цифровых и информационных технологий. Тремя основными мегатрендами этой революции выступают физический, цифровой, биологический [27, с. 17]. Элементами физического мегатренда являются беспилотные транспортные средства, 3D-печать, робототехника, новые материалы; цифровой блок включает в себя Интернет вещей, технологию блокчейн, искусственный интеллект; биологический блок – секвенирование генома, синтетическую биологию [27, с. 17–23]. Все эти проявления четвертой промышленной революции непосредственно связаны с интеллектуальной собственностью. Однако вопрос о характере такой связи и готовности права интеллектуальной собственности к охране новых технологических достижений является открытым. В частности, М. Соарес и М. Кауфман (M. Soares, M. Kauffman) отмечают, что внедрение четвертой промышленной революции бросает вызов современному пониманию защиты интеллектуальной собственности и что фокус права интеллектуальной собственности смещается на охрану таких нематериальных «вещей», как методологии, конфигурации виртуальных систем, ответственность на данные, алгоритмы обработки, узнаваемость брендов [42].

Вместе с тем было бы ошибочно считать, что все изменения в праве интеллектуальной собственности обусловлены промышленными революциями. Так, право на средства индивидуализации менее других институтов этой сферы права подвержено влиянию новых технологий. В той же мере было бы явным преувеличением полагать, что все технологические прорывы влекут за собой трансформацию авторского или патентного права. Одни творческие и технические достижения влекут трансформацию привычных правовых институтов, а другие – нет. Например, для охраны микросхем был создан новый правовой институт, а компьютерные программы было решено вписать в классические лекала авторского права. Таким образом, реальность является более сложной, чем простые схемы, под которые очень удобно подогнать эволюцию правовых систем.

define the results of scientific and technological progress that are granted protection under the influence of the Fourth Industrial Revolution and other factors.

Comparing the evolution of the intellectual property right with the development of the Western civilization of the New Era (the term “West” is understood in the meaning ascribed to it by S. Huntington [26]), we can trace a certain influence that industrial revolutions exert over that genesis. Industrial revolution is defined by J. Goldstone as “a process, such as an increase in the rate of technological innovation and the onset of a pattern of more and more areas of material life being affected by new sources of power, new machines, and new inventions and techniques” that, according to him, took place in Britain between 1700 and 1850 [5, p. 215]. The symbols of the First Industrial Revolution are the invention of the steam engine and railways. It was at the time of that revolution that patent and copyright law was established in Great Britain, France, and the USA. Although invention and creative activities had existed long before the 17th century in various civilizations, their existence alone did not become the factor that determined the emergence of intellectual property right. As J. Goldstone has aptly noted, the transformation that changed the world during the First Industrial Revolution happened due to a generalized belief in the possibility, even the inevitability, of progress and the conviction that such progress was in reach of anyone who pursued a systematic program of careful observation and experiment and drew on the latest scientific knowledge [5, p. 232].

The Second Industrial Revolution, which happened at the turn of the 19th and 20th centuries, was connected with the spread of electricity, introduction of the conveyor belt, and emergence of mass production [27, p. 11]. At that time, photographs and films were recognized as copyright objects. By the middle of the 20th century, the invention of sound recording and radio led to the recognition of related rights to performances, phonograms and broadcasts. The Third Industrial Revolution began in the 1960s. Its symbols are semiconductors, personal computers and the Internet. Intellectual property law was expanded to such objects as integrated circuit topographies, computer programs, and databases.

Today, the humankind is at the threshold of the Fourth Industrial Revolution, which began in the late 20th – early 21st centuries [27, p. 11]. K. Schwab states that all achievements of this industrial revolution have one characteristic feature: they efficiently use the power of digital and information technologies. The three megatrends of this revolution are the physical, digital, and biological factors [27, p. 17]. The elements of the physical megatrend are unmanned vehicles, 3D printing, robot technology, new materials; the digital factor includes the Internet, blockchain, artificial intelligence; and the biological one – genome sequencing and synthetic biology [27, pp. 17–23]. All these manifestations of the Fourth Industrial Revolution are immediately related to intellectual property. However, the question of this relationship and of the intellectual property right being ready for the protection of the new technological developments is still open. More particularly, M. Soares and M. Kauffman argue that the implementation of the Fourth Industrial Revolution is a challenge to modern understanding of intellectual property protection, and the focus of intellectual property right is being shifted towards the protection of such non-material “things” as methodologies, configurations of virtual systems, data ownership, processing algorithms, and brand awareness [42].

At the same time, it would be wrong to regard all changes in intellectual property law as conditioned by industrial revolutions. For example, the right to means of individualization, as compared to other institutes, is less subjected to the influence of new technologies. However, it would be an overstatement to consider all technological breakthroughs a reason for the transformation of copyright or patent right. Some technological and creative achievements lead to the transformation of the established legal institutes, whereas others do not. For instance, for the protection of microcircuit chips, a new legal institute was established, while computer programs remained under the auspices of classical copyright. Thus, the reality is much more controversial than the schemes that could be conveniently superimposed on the evolution of legal systems.

**Понятие
«объект интеллектуальной собственности»:
проблема определенности**

Термин «интеллектуальная собственность» получил всеобщее признание и использование в связи с принятием 14 июля 1967 г. Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС)¹. Организацией-предшественником ВОИС было Бюро, известное по своему сокращенному названию «BIRPI». На сайте ВОИС указано, что BIRPI было образовано в 1893 г. в результате объединения секретариатов, учрежденных для управления Парижской² и Бернской конвенциями³. Там же утверждается, что аббревиатура BIRPI в переводе с французского означает «Объединенное международное бюро по охране интеллектуальной собственности»⁴. Однако в действительности слово «интеллектуальной» появилось в названии «BIRPI» значительно позже. Дж. Хьюз (J. Hughes) пишет, что эта аббревиатура является сокращением от «BIRPILA» (Bureaux internationaux reunis pour la protection de la propriété industrielle, littéraire et artistique – Объединенное международное бюро по охране промышленной, литературной и художественной собственности). Профессор Хьюз убедительно доказывает, что до рубежа 1950–1960-х годов последняя буква «I» в названии «BIRPI» означала «industrielle», а не «intellectuelle» и что замена слова «industrielle» на «intellectuelle» произошла постепенно и почти незаметно с 1958 по 1963 г. [35].

Сказанное не означает, что в XIX и начале XX в. термин «интеллектуальная собственность» не использовался в юридических текстах. В романо-язычных правовых системах, особенно в испаноговорящих государствах, этим термином преимущественно обозначалось

авторское право. Так, в статье 2 Конвенции об охране патентов на изобретения, промышленных рисунков и образцов, товарных знаков и торговых марок и литературной и художественной собственности, заключенной 23 августа 1906 г. в Рио-де-Жанейро, было установлено, что образуется Союз американских государств, осуществляющий свою деятельность посредством двух Международных бюро, которые будут функционировать под названием «Бюро международного американского союза для защиты интеллектуальной и промышленной собственности» [22, с. 135]. Традиция отождествлять интеллектуальную собственность с авторским правом продолжилась с принятием в Монтевидео Договора «Об интеллектуальной собственности» от 4 августа 1939 г. [16, с. 524]. До сих пор закон Испании, регулирующий авторско-правовые отношения, называется «Законом об интеллектуальной собственности»⁵.

В Великобритании и США XIX в. словосочетание «интеллектуальная собственность» употреблялось в различных значениях: и в современном универсальном смысле, и в смысле авторского права, и в смысле промышленной собственности [35]. В целом можно сказать, что на рубеже XIX–XX вв. этот термин не пользовался у юристов широкой популярностью из-за того, что имел контекстуальные отсылки к бессрочному праву вещной собственности. В указанное время господствующая точка зрения на авторские и патентные права уже заключалась в том, что они по своей природе отличаются от права собственности. Ведущие цивилисты рубежа XIX–XX вв. предпринимали попытки найти критерии, объединяющие авторские права, патентные права и права на товарный знак. Г. Ф. Шершеневич разработал теорию исключительных прав [28, с. 451]. В Германии Й. Колер предложил термин «право на нематериальные блага» (Immateriellgüterrecht). При этом он включал в него авторское и патентное право, т.е. только права на творческие результаты. Право на товарный знак, по мнению германского ученого, должно включаться в права личности [1, с. 157]. В кон-

¹ Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности, от 14 июля 1967 г. URL: <https://wipo.int/treaties/textdetails/12830> (дата обращения: 01.02.2019).

² Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. URL: <https://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=311> (дата обращения: 01.02.2019).

³ Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сент. 1886 г. URL: https://www.wipo.int/treaties/ru/text.jsp?file_id=283698 (дата обращения: 01.02.2019).

⁴ WIPO – A Brief History. URL: <https://www.wipo.int/about-wipo/en/history.html> (дата обращения: 01.02.2019).

**The Concept of
‘Intellectual Property Object’:
the Problem of Certainty**

Universal acknowledgement and common use of the term “intellectual property” was connected with adoption on 14 July, 1967 of the Convention that founded the World Intellectual Property Organization (WIPO)¹. The organization preceding WIPO was Bureau, more commonly known as BIRPI. On the WIPO home site, it is stated that BIRPI was set up in 1893 as a result of merging two secretariats that had been founded to manage the Paris Convention² and Berne Convention³. It is also stated there that the abbreviation BIRPI can be translated from French as “United International Bureau for the Protection of Intellectual Property”⁴. In fact, it was much later that the word “intellectual” appeared in the name “BIRPI”. As J. Hughes points out, the abbreviation is a shortened version of “BIRPILA” (Bureaux internationaux reunis pour la protection de la propriété industrielle, littéraire et artistique – United International Bureau for the Protection of Industrial, Literary and Artistic Property). Professor Hughes argues further quite unequivocally that before the turn of 1950–1960s, the last “I” in the name of “BIRPI” stood not for “intellectuelle” but for “industrielle”, and its change for “intellectuelle” took place gradually and almost invisibly from 1958 till 1963 [35].

The above-mentioned facts do not mean that in the 19th and early 20th centuries the term “intellectual property” was not used in legal texts. In Roman law-based civil systems, especially in Spanish-speaking countries, it presumably denoted copyright. For instance, it is stated in Article 2 of

the Convention for the protection of utility patents, industrial designs and prototypes, trademarks and product marks, and literary and artistic property, concluded on 23 August, 1906, in Rio de Janeiro, that the Union of American Republics was established to conduct its activities with the help of two International Bureaus that would function under the name “Bureau of International American Union for the Protection of Intellectual and Industrial Property” [22, p. 135]. The tradition to liken intellectual property and copyright got a new impetus with the adoption in Montevideo of the Treaty on Intellectual Property on 4 August, 1939 [16, p. 524]. The Spanish law regulating copyright relations is still known as the “Law on Intellectual Property”⁵.

In the 19th century, the term “intellectual property” covered a variety of senses in Great Britain and the USA: it was used in its modern universal meaning, in the meaning of copyright, and in that of industrial property [35]. In general, it can be said that at the turn of the 19th–20th centuries the term was not quite popular with the lawyers, as it had contextual references to perpetual right of proprietary property. At the above-stated time, the principal point of view on copyright and patent rights was that they were inherently different from property right. The leading civil law specialists of the late 19th – early 20th centuries made attempts to find something that could unite copyright right, patent right, and trademark right. G. F. Shershenevich developed the exclusive right theory [28, p. 451]. In Germany J. Kohler offered the term “the right to non-material benefits” (Immateriellgüterrecht). By introducing it, he intended to denote copyright and patent right, i.e., only the rights to outputs of creative activity. According to the German specialist, trademark right had to be included in individual rights [1, p. 157].

¹ Convention Establishing the World Intellectual Property Organization of July 14, 1967. Available at: <https://wipo.int/treaties/textdetails/12830> (accessed 01.02.2019).

² Paris Convention for the Protection of Industrial Property of March 20, 1883. Available at: <https://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=311> (accessed 01.02.2019).

³ Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of September 9, 1886. Available at: http://www.wipo.int/treaties/en/text.jsp?file_id=283698 (accessed 01.02.2019).

⁴ WIPO – A Brief History. Available at: <https://www.wipo.int/about-wipo/en/history.html> (accessed 01.02.2019).

це XIX в. для обозначения сферы, которую мы сегодня называем «интеллектуальная собственность», предлагались и более экзотические выражения: ментальная собственность (Mental Property), мозговая собственность (Brain Property) [35]. На этом фоне термин «интеллектуальная собственность», ставший всемирно признанным, является вполне удачным, так как он отражает суть если не всех, то, по крайней мере, таких важнейших охраняемых объектов, как произведение и изобретение.

В настоящее время сформулировать четкое концептуальное определение интеллектуальной собственности вряд ли возможно, так как палитра охраняемых в рамках этой подотрасли права объектов буквально с каждым десятилетием становится все более разнообразной. Ни признак творчества, ни признак исключительных прав не позволяют однозначно и четко отграничить интеллектуальную собственность от иных объектов. Хотя, безусловно, конструкция исключительных прав является основополагающим признаком права интеллектуальной собственности. Что касается нематериального характера объектов интеллектуальной собственности, то этот признак является слишком широким, так как он включает и иные объекты гражданских прав, например имя или изображение гражданина. П. Драгос (P. Drahos) правильно отмечает, что попытка определить сущность интеллектуальной собственности затруднена и что большинство предлагаемых определений просто перечисляют примеры прав интеллектуальной собственности или объектов этих прав [33]. Трудности с обнаружением конститутивных признаков интеллектуальной собственности во многом объясняются тем, что институты этой сферы права зачастую имеют разную историю и разные философско-правовые традиции. Дж. Хьюз верно характеризует термин «интеллектуальная собственность» как зонтичный [35]

Представленные в международном и национальном праве определения интеллектуальной собственности сконструированы как раз по зонтичному принципу. В Конвенции, учреждающей ВОИС, дается широкая и открытая формулировка, в которой под интеллектуальной собственностью понимаются права, относящиеся к литературным, художественным и научным произведениям, исполнительской дея-

тельности артистов, звукозаписи, радио- и телевизионным передачам, изобретениям во всех областях человеческой деятельности, научным открытиям, промышленным образцам, товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям, защите против недобросовестной конкуренции, а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях. Более определенное на первый взгляд понятие дается в Соглашении ТРИПС, где интеллектуальная собственность раскрывается через все категории интеллектуальной собственности, которые являются предметом разделов 1–7 части II Соглашения¹. К этим категориям относятся: авторское право и смежные права; товарные знаки; географические указания; промышленные образцы; патенты; топологии интегральных схем; охрана закрытой информации. Однако ряд объектов охраняются Соглашением ТРИПС косвенно. Например, в статье 27 Соглашения установлено, что члены ВТО предусматривают охрану сортов растений либо патентами, либо эффективной единой системой в рамках специального законодательства, либо любым их сочетанием. Далее можно отметить, что в статье 2 Соглашения предусмотрена обязанность членом ВТО соблюдать статьи 1–12 и 19 Конвенции по охране промышленной собственности. В Парижской конвенции к промышленной собственности отнесены такие отсутствующие в Соглашении ТРИПС объекты, как фирменные наименования и пресечение недобросовестной конкуренции. Следовательно, члены Всемирной торговой организации обязаны предоставлять охрану и этим объектам. В. И. Еременко обоснованно пишет, что фирменные наименования не были включены в Соглашение ТРИПС из-за позиции США, в которых этот объект не рассматривается как интеллектуальная собственность [7]. В целом, убедительной представляется точка зрения, согласно которой в Соглашении ТРИПС в качестве интеллектуальной собственности рассматриваются лишь те объекты, по

¹ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности от 15 апр. 1994 г. URL: <https://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=311> (дата обращения: 01.02.2019).

At the end of the 19th century some more exotic terms were coined to refer to the sphere known today as “intellectual property”, such as Mental Property or Brain Property [35]. The term “intellectual property”, which has become universally renowned, is quite a convenient one as compared to its rivals, as it conveys the main idea of at least the most important, if not all, protected objects, such as a work of art or an invention.

Today the introduction of a clear conceptual definition of intellectual property is hardly possible, as every new decade makes the range of objects protected in the framework of intellectual property right more miscellaneous. Neither the criterion of creative activity nor the one of exclusive right allows clear and unambiguous differentiation between intellectual property and other objects. However, the exclusive right concept is the fundamental feature of intellectual property right. As far as the non-material character of intellectual property objects is concerned, this criterion is too vague, as it also bears reference to other civil right objects, such as the name or image of an individual. P. Drahos makes a good point admitting that an attempt to define the nature of intellectual property is complicated, and the majority of the existing definitions only enumerate examples or objects of intellectual property right [33]. The complicated character of identifying constitutive signs of intellectual property mainly stems from the fact that the institutes of this legal area often have different history and originate from different philosophical and legal traditions. Thus, we should agree with J. Hughes that “intellectual property” is an umbrella term [35].

The definitions of intellectual property represented in the international and national legal systems are designed in accordance with the umbrella principle. The Convention that founded WIPO provides a broad and open interpretation, under which intellectual property is understood as rights referring to literary, artistic and scientific works, performing activities of actors, broadcast-

ing activities of recording studios, radio and television programs, inventions in all spheres of human activities, scientific discoveries, industrial designs, trademarks, service marks, company names, trade designations, protection against unfair competition, and all other rights referring to the intellectual activities in the industrial, scientific, literary and artistic spheres. A somewhat more definite wording is given in TRIPS Agreement, where intellectual property is interpreted with the help of all intellectual property categories that are concerned in sections 1–7 of Part II of the Agreement¹. These categories include: copyright and related rights, trademarks, geographic indications, industrial designs, patents, topologies of integrated circuits, and protection of undisclosed information. However, a number of objects are protected by TRIPS Agreement indirectly. For example, article 27 of the Agreement states that the WTO member states provide the protection of plant species either through patents, or through a single efficient system in the framework of specific legislation, or through any combination of both. Furthermore, it can be mentioned that article 2 of the Agreement stipulates that WTO member states shall observe articles 1–12 and 19 of the Convention for Industrial Property Protection. The Paris Convention includes in the notion of industrial property such objects as company names and restraint of unfair competition that was not mentioned in TRIPS Agreement. Therefore, the World Trade Organization member states shall provide for the protection of these objects as well. V. I. Ieremenko has grounds to say that company names were not included in TRIPS Agreement because of the US position, as there this object is not considered to be intellectual property [7]. In general, there is convincing evidence to support a viewpoint that in TRIPS Agreement only the objects

¹ Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (The TRIPS Agreement) of April 15, 1994. Available at: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/27-trips_01_e.htm (accessed 01.02.2019).

которым участники переговоров, принимая этот акт, смогли договориться [40, pp. 45–46].

Итак, международно-правовое регулирование не устанавливает четких рамок, ограничивающих сферу интеллектуальной собственности. Несомненно, этот фактор благоприятствует расширению круга ее объектов. За полувековую историю Конвенции, учреждающей ВОИС, можно привести только один пример, когда объект интеллектуальной собственности, зафиксированный в международном договоре, перестал бы охраняться в национальных правовых системах. Речь идет о научных открытиях. В качестве исключения можно назвать Гражданский кодекс Украины, где научные открытия регламентируются как самостоятельный объект интеллектуальной собственности (ст. 547–548)¹. Е. А. Салицкая полагает, что по своей природе научные открытия являются результатами интеллектуальной деятельности. Однако им следует предоставить охрану за пределами института интеллектуальных прав, так как их неотъемлемой составляющей является исключительное право. Установление исключительного права на научное открытие, по обоснованному мнению автора, невозможно [20]. В то же время хотелось бы заметить, что научное открытие корректно включать в сферу интеллектуальной собственности при том условии, если не абсолютизировать идею того, что на все объекты интеллектуальной собственности должны устанавливаться исключительные права.

В Российской Федерации благодаря закрытому перечню охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации (ст. 1225 ГК РФ) обеспечивается большая степень определенности того, что является интеллектуальной собственностью. Однако определенность не подразумевает собой неизменности. И здесь мы подходим к вопросу о юридико-технических способах расширения или сужения круга объектов интеллектуальной собственности. Определенный тип фактических объектов, получающий охрану в рамках права интеллектуальной собственности, может иметь три варианта соотношения с юридической конструкцией этого объекта как интеллектуальной собственности.

1. Определенный тип фактических объектов заполняет всю конструкцию объекта интеллектуальной собственности – прямая охрана в качестве объектов интеллектуальной собственности первого уровня.

2. Определенный тип фактических объектов законодательно квалифицируется как разновидность объекта интеллектуальной собственности первого уровня – прямая охрана в качестве субобъектов интеллектуальной собственности первого уровня.

3. Определенный тип фактических объектов законодательно не квалифицируется ни как объект первого уровня, ни как его субобъект, однако охраняется через распространительное толкование норм о родственных ему объектах – косвенная охрана.

Прямая охрана в качестве объектов интеллектуальной собственности первого уровня. К объектам интеллектуальной собственности первого уровня относятся как объекты, зафиксированные в статье 2 Конвенции, учреждающей ВОИС, так и объекты, кроме компьютерных программ и баз данных, указанные в статье 1225 ГК РФ. Очевидно, что в данном случае расширение круга охраняемых объектов возможно только через изменения статьи 1225 ГК РФ и включения в Кодекс новых соответствующих положений. Например, в 2019 г. предполагается расширить перечень объектов интеллектуальной собственности за счет включения в него географических указаний. Как отмечают О. А. Рузакова и Е. С. Гринь, в настоящее время сложились все необходимые предпосылки для введения охраны географического указания как самостоятельного объекта интеллектуальной собственности [19, с. 685–686]. Следует напомнить также, что в 2006 г. проект части 4 ГК РФ, принятый в первом чтении, содержал положения о доменном имени как о самостоятельном объекте интеллектуальной собственности². Однако в результате было решено отказаться от такой охраны доменных имен.

Прямая охрана в качестве субобъектов интеллектуальной собственности. К субобъектам объектов интеллектуальной собственности первого уровня относятся, в частности: 1) виды охраняемых авторским правом произ-

that have not caused any controversy between the negotiators adopting the Act are considered to be intellectual property [40, pp. 45–46].

Thus, international legal regulation does not provide clearly-defined guidelines to restrict the sphere of intellectual property. There is no doubt that this factor contributes to extending the list of its objects. During fifty years of its existence, the Convention establishing WIPO faced only one situation when an intellectual property object specified in the international treaty ceased to be protected by the national legal systems. That was the case of scientific discoveries. As an exception, the Civil Code of Ukraine can be mentioned, which defines scientific discoveries as a separate object of intellectual property (articles 547–548)¹. According to I. A. Salitskaia, scientific discoveries are inherently the results of intellectual activity. However, they should be granted protection beyond the institute of intellectual rights, as their integral part is constituted by exclusive right. The author holds forth that it is not possible to establish exclusive right to a scientific discovery [20]. At the same time it should be pointed out that it is correct to include scientific discoveries in the sphere of intellectual property provided that the idea of establishing exclusive right to all intellectual property objects is dismissed.

In the Russian Federation, due to the exhaustive list of the results of intellectual activity and means of individualization protected by law (article 1225 of Civil Code of the Russian Federation), a larger degree of certainty pertaining intellectual property is provided. However, certainty does not necessarily mean invariable character. And here we approach the question of legislative techniques employed in order to widen or narrow the range of intellectual property objects. A certain type of actual objects that receives protection under intellectual property law can have three variants of correlation with the statutory concept of this object as intellectual property.

1. A certain type of actual objects that completely fits in the concept of intellectual property object is entitled to direct protection as intellectual property objects of the first level.

2. A certain type of actual objects that is classified by law as variation of intellectual property object of the first level is entitled to direct protection as intellectual property subobjects of the first level.

3. A certain type of actual objects that is not classified by law either as intellectual property object of the first level or as its subobject, but is protected through extensive interpretation of norms regarding objects related to it, is entitled to indirect protection.

Direct protection as intellectual property objects of the first level. Intellectual property objects of the first level include both objects specified in article 2 of the WIPO Convention and objects, with the exception of computer programs and databases, stated in article 1225 of Civil Code of the Russian Federation. It is obvious that in this case expanding the range of protected objects is only possible through changes in article 1225 of Civil Code of the Russian Federation and inclusion of new respective provisions in the Code. For example, in 2019, it is planned to expand the range of intellectual property objects by way of including geographical indications in it. As is stated by O. A. Ruzakova and I. S. Grin, at present all the necessary preconditions have formed for the introduction of protection for geographical indications as a separate intellectual property object [19, pp. 685–686]. It should also be remembered that the draft of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation, passed in 2006 in its first reading, contained provisions regarding the domain name as a separate intellectual property object². However, eventually it was decided to abandon this approach to domain names.

Direct protection as intellectual property subobjects. More particularly, intellectual property subobjects of the first level include: 1) types of works protected by copyright (paragraph 1, article 1259 of the Civil Code of the Russian Federation),

¹ Гражданский кодекс Украины от 16 янв. 2003 г. URL: <https://meget.kiev.ua/kodeks/grazdanskiy-kodeks/> (дата обращения: 01.02.2019).

² Проект № 323423-4, принятый Государственной Думой Российской Федерации в первом чтении.

¹ Civil Code of Ukraine of January 16, 2003. Available at: <https://meget.kiev.ua/kodeks/grazdanskiy-kodeks/> (accessed 01.02.2019).

² Draft Law No. 323423-4 adopted by the State Duma of the Russian Federation in the first reading. Access from the legal reference system “ConsultantPlus”.

ведений (п. 1 ст. 1259 ГК РФ), например литературные произведения, музыкальные произведения и т. д.; 2) исполнения артистов-исполнителей и дирижеров, постановки режиссеров-постановщиков спектаклей как субобъекты исполнений (п. 1 ст. 1304 ГК РФ); 3) продукт, включающий в себя устройство, вещество, штамм микроорганизмов, культуру клеток растений или животных, и способ как субобъекты изобретений (в трактовке п. 1 ст. 1350 ГК РФ – объекты изобретений). Расширение круга субобъектов также представляет собой экспансию интеллектуальной собственности. Например, в конце XX в. компьютерные программы получили правовую охрану как разновидность произведений, а не как объект интеллектуальной собственности первого уровня.

Демаркация объектов интеллектуальной собственности первого уровня и их субобъектов позволяет заключить, что в статье 1225 ГК РФ нарушена традиционная последовательность логически обоснованной регламентации только объектов первого уровня. В этой статье указаны компьютерные программы, которые относятся к одному из видов охраняемых произведений. Закрепленные в статье 1225 ГК РФ базы данных также квалифицируются как разновидности охраняемых произведений. Однако такая фиксация баз данных оправдана тем, что они могут охраняться и как самостоятельный объект смежных прав.

Косвенная охрана. Расширение круга объектов интеллектуальной собственности может осуществляться в результате распространительного судебного или административного толкования соответствующих положений законодательства. Однако такой путь экспансии интеллектуальной собственности не является оптимальным, поскольку он подрывает принцип правовой определенности и принцип установления охраны интеллектуальной собственности только законом. Тем не менее иногда такие явления происходят. Так, Верховный Суд Российской Федерации, вопреки логике авторского права и положениям статьи 1259 ГК РФ, признал объектами авторского права координаты пунктов государственной геодезической сети¹.

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.04.2015 г. по делу № А12-18806/2013.

Далее в настоящей работе будут рассмотрены объекты основных институтов права интеллектуальной собственности, получающие охрану в начале текущего столетия.

Объекты авторского права, получающие охрану в XXI веке

Объектами авторского права являются произведения науки, литературы и искусства. Правда, следует учитывать, что в ряде стран англо-американского права в качестве охраняемых авторским правом произведений регламентируются также звукозаписи, передачи вещания и типографское оформление [34, pp. 159–160]. Эта традиция, однако, никак не повлияла на глобальные международные соглашения, где в качестве единственного объекта авторского права рассматривается произведение.

Эволюция авторского права представляет собой неуклонный процесс расширения законодательного перечня охраняемых произведений. Юридическое значение такого рода перечней в разное время и во многих странах было неодинаковым. Например, в XVIII–XIX вв. относимость произведения к числу охраняемых видов произведений имела решающее значение. В то время законы не содержали еще требования о том, что произведение должно быть результатом творческой деятельности. Постепенно в течение XX в. творческий характер стал важнейшим критерием для разделения охраняемых и неохраняемых произведений, а значение признака относимости произведения к перечню охраняемых произведений несколько снизилось, особенно в странах континентальной традиции авторского права, где эти перечни являются открытыми. «В то же время, – пишет Е. А. Павлова, – наличие перечня объектов авторских прав по-прежнему целесообразно, так как он позволяет информировать правообладателей и пользователей о том, что определенные виды результатов интеллектуальной деятельности обладают соответствующей охраноспособностью» [12, с. 196].

Представляется, что наличие законодательного перечня охраняемых произведений не просто целесообразно, а до сих пор юридически необходимо. Во-первых, такой перечень позволил участникам Бернской конвенции достичь определенности в отношении того,

for example, literary works, musical works, etc.; 2) public performances of actors and directors, stage productions of theatrical production directors as subobjects of public performances (paragraph 1, article 1304 of the Civil Code of the Russian Federation); 3) products including a device, matter, microorganism strain, cell culture of plants or animals and a process as subobjects of inventions (objects of inventions in the interpretation of paragraph 1, article 1350 of the Civil Code of the Russian Federation). Widening the range of subobjects is also expansion of intellectual property. For example, at the end of the 20th century computer programs received legal protection as types of works and not as intellectual property objects of the first level.

Distinguishing between intellectual property objects of the first level and their subobjects leads to conclusion about deviation in article 1225 of the Civil Code of the Russian Federation from the traditional logic as logic of regulating only objects of the first level. This article states computer programs that belong to the types of works protected by copyright. Databases recorded in article 1225 of the Civil Code of the Russian Federation also belong to the types of copyrighted works. However, such approach to databases can be justified by the fact that they can be protected as a separate object of related rights.

Indirect protection. Expanding the range of intellectual property objects can be carried out as a result of broad judicial or administrative interpretation of the respective legislative provisions. This method of intellectual property expansion is not optimal, as it undermines the principle of legal certainty and principle of establishing intellectual property protection only by law. Nevertheless, sometimes such things occur. For instance, the Supreme Court of the Russian Federation, regardless of the copyright logic and provisions of article 1259 of the Civil Code of the Russian Federation, recognized as copyright objects the coordinates of the state geodesic network points¹.

Further this work will concern objects of all the main institutes of intellectual property right that received protection at the beginning of this century.

¹ Determination of the Supreme Court of the Russian Federation in case No. А12-18806/2013 of April 8, 2015.

Copyright Objects Acquiring Protection in the 21st Century

Copyright objects are works of science, literature, and arts. It should be noted that a number of countries with the Anglo-American law consider audio records, broadcasted programs, and printing layout to be copyright objects as well [34, pp. 159–160]. This tradition, however, did not affect the global international agreements with the only copyright object being a work.

The evolution of copyright law is a continuous process of extending a list of copyrighted works. A legal value of these lists was different at different times and in different countries. In the 18th-19th centuries, attribution of a work to copyright objects played a crucial value. At that time, the laws did not include any requirements for a work to be a result of creative activity. Gradually, during the 20th century, a creative nature turned out to be the critical criterion to divide between copyrighted and non-copyrighted works, while the value of such a feature as a work's belonging to the list of copyrighted works decreased a bit, especially in the countries with the continental tradition of copyright with open lists. E. A. Pavlova writes, “At the same time it is reasonable to have a list of copyrighted objects, because it informs the copyright holders and the users about the fact that particular types of intellectual activity results are characterized by the respective copyrightability” [12, p. 196].

We believe that the availability of a law-based list of copyrighted works is both reasonable and still necessary in legal terms. First of all, this list helped the participants of the Berne Convention achieve consensus on which works should

какие виды произведений охраняются во всех государствах – членах Бернского Союза. Уместно-напомнить, что при подписании Бернской конвенции в 1886 г. охраняемые авторским правом произведения были определены как через их перечень, так и через общую формулировку: «наконец, всякое произведение из области литературы, науки или искусства, которое может быть издано каким бы то ни было способом печатания или воспроизведения» [10, с. 143–157]. Дело в том, что при обсуждении перечня охраняемых произведений Франция предложила включить в него фотографии. Однако Германия возражала, поскольку она в то время не признавала эти объекты произведениями искусства. В результате решено было установить минимальный перечень произведений, охраняемых во всех странах-членах Бернского союза, а также указать, что охраняются вообще все произведения, относящиеся к области литературы, науки, искусства для того, чтобы в странах, охраняющих авторским правом те же фотографии, последние попадали и под действие Конвенции. Во-вторых, для российских судов законодательный перечень охраняемых произведений, как правило, служит чуть ли не единственным ориентиром при решении вопроса о том, охраняется ли тот или иной объект авторским правом или нет. Такая ситуация во многом была спровоцирована введенной Верховным Судом и Высшим Арбитражным Судом РФ презумпцией творческого характера произведения¹. Примечательно, что ранее в российской судебной практике была прямо выражена более правильная позиция. В пункте 2 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 28 сентября 1999 г. № 47 было сказано, что творческий, оригинальный характер объекта должен доказывать истец².

В странах англо-американской традиции авторского права до сих пор перечни охраняе-

мых произведений формулируются как закрытые. Например, согласно § 102 Закона США об авторском праве, авторские произведения включают в себя следующие категории: 1) литературные произведения; 2) музыкальные произведения, включая любой сопровождающий текст; 3) драматические произведения, включая любую сопровождающую музыку; 4) пантомимы и хореографические произведения; 5) произведения живописи, графики и скульптуры; 6) кинофильмы и другие аудиовизуальные произведения; 7) звукозаписи; 8) произведения архитектуры³. С 1976 г., когда был принят этот Закон, перечень охраняемых произведений расширялся только дважды: 1) в 1980 г. в него посредством расширения понятия литературного произведения (§ 101) были включены компьютерные программы; 2) в 1990 г. непосредственно в § 102 были включены произведения архитектуры [41]. Как отмечает Э. Рис (A. Reese), на сегодняшний день ни один американский суд не постановил, что Закон об авторском праве распространяется на объекты, которые находятся за пределами перечня охраняемых произведений [39]. Тем не менее каждая из восьми категорий охраняемых произведений допускает некоторую гибкость в толковании. Например, замки из песка были признаны охраняемыми произведениями в качестве скульптуры [39].

В начале XXI в. законодательно установленные перечни охраняемых авторским правом произведений практически не дополнялись новыми позициями. Компьютерные программы, базы данных, интернет-сайты, видеоигры являются результатами технологических достижений Третьей промышленной революции. Компьютерные программы и базы данных были прямо закреплены в законодательстве в качестве объектов авторского права в конце XX в. Напротив, видеоигры не получили такого статуса, хотя никаких сомнений в их охраноспособности нет. Также нет и консенсуса относительно правовой квалификации этих объектов в рамках авторского права. В Аргентине, Канаде, Китае, Израиле, Италии, Российской Федерации, Сингапуре видеоигры преимущественно имеют правовой режим компьютерных про-

³ Закон Соединенных Штатов Америки об авторском праве от 19 окт. 1976 г. URL: <https://www.copyright.gov/title17/title17.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).

be copyrighted in all members-states of the Berne Union. It should be mentioned that in 1886, at the time of signing the Berne Convention, the copyrighted works were designated both through enumeration and through a general definition: “finally, any work from the area of literature, science, or arts which could be published by any printing technique or reproduction” [10, pp. 143–157]. The point is that France proposed to include photos in the list during the discussion of the copyrighted works. However, Germany was against it since at that time it did not recognize photos to be works of art. As a result, they decided to set a minimum list of works protected in all member states of the Berne Union and to specify that all works of literature, science, and arts are copyrighted so that in countries which copyright photos the latter fall under the provisions of the Convention. Secondly, the Russian courts typically consider the legal list of copyrighted works to be the only criterion in arriving at the judgement whether this or that object is copyrighted or not. This situation is largely determined by the presumption of a work’s creative nature introduced by the Supreme Court and the Supreme Arbitration Court¹. It is notable that the Russian judicial practice used to apply a more appropriate approach. Clause 2 of the Information Letter No. 47 of 28 September, 1999, of the Presidium of the RF Supreme Arbitration Court stated that a demandant has to prove the creative, authentic nature of an object².

Countries with the Anglo-American copyright tradition still generate exhaustive lists of

copyrighted objects. For example, according to § 102 of the USA Copyright Law, copyrighted works include the following categories: 1) literature works; 2) music works, including any accompanying text; 3) dramatic works, including any accompanying music; 4) pantomimes and choreographic works; 5) works of painting, graphics, and sculpture; 6) movies and other audio visual works; 7) audio records; 8) works of architecture³. Since 1976, when the law was approved, the list of copyrighted works has been extended only twice: 1) in 1980 the notion of a literature work (§ 101) was extended by including software; 2) in 1990 works of architecture were added into § 102 [41]. A. Reese notes that today no American court has declared that the Copyright Law applies to objects which are not included into the list of copyrighted works [39]. Nevertheless, each out of eight categories of copyrighted objects is quite flexible in their interpretation. For example, sand castles were recognized to be copyrighted works as works of sculpture [39].

At the beginning of the 21st century, law-based lists of copyrighted works did not include any new items. Software, databases, Internet websites, videogames are the results of technological advances of the third industrial revolution. Software and databases were directly given by the law the status of copyrighted objects at the end of the 20th century. Video games, on the other side, did not receive this status, although their copyrightability was not doubted. There is also no consensus on the law-based classification of these objects within copyright law. In Argentina, Canada, Israel, Italy, the Russian Federation, Singapore, video games are mainly referred to software in legal terms.

³ Copyright Law of the United States of October 19, 1976. Available at: <https://www.copyright.gov/title17/title17.pdf> (accessed 01.02.2019).

¹ О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 марта 2009 г. № 5/29. П. 28 // Российская газета. 2009. 22 апр.

² Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах»: информ. письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 сент. 1999 г. № 47.

грамм. В Бельгии, Бразилии, Дании, Франции, Германии, Японии, Соединенных Штатах они квалифицируются как сложные объекты, элементы которых подлежат самостоятельной охране. В Республике Корея и Кении видеогри рассматриваются как аудиовизуальные произведения [38]. Формально новым объектом авторского права можно считать интернет-сайты, которые были включены в список составных произведений только Федеральным законом от 13 марта 2013 г.¹ Однако и до принятия этого акта определение составного произведения не препятствовало рассматривать интернет-сайты как составные произведения. Важно также заметить, что такая квалификация не исключает иного взгляда на правовой режим интернет-сайта. А. А. Кравченко правильно пишет, что в рамках авторского права и смежных прав интернет-сайт при определенных условиях можно рассматривать как: 1) компьютерную программу; 2) дизайнерское решение; 3) составное произведение; 4) базу данных как объект авторского права; 5) базу данных как объект смежных прав [13, с. 115].

Говоря об определенном консерватизме перечней объектов авторского права в XXI в., можно заметить следующее. С одной стороны, обозначенные во введении к настоящей работе мегатренды Четвертой промышленной революции пока не затрагивают сферу правообъектности в авторском праве. Искусственный интеллект, как одно из достижений этой революции, несомненно, уже стал вызовом для авторского права. Однако проблема искусственного интеллекта в авторском праве – это проблема правосубъектности, а не правообъектности. С другой стороны, к началу XXI в. перечень охраняемых произведений стал настолько всеобъемлющим, что потенциал перманентного расширения круга охраняемых авторским правом объектов представляется исчерпанным. Число способов объективации результатов литературного и художественного творчества ограничено. Клод Коломбо (Claude Colombet), говоря о видах произведений, являющихся результатом творческой деятельности одного человека, обосно-

¹ О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ // Российская газета. 2014. 14 марта.

ванно заметил, что во всех странах мира такие произведения относятся к той или иной из трех основных категорий интеллектуального творчества: литература, музыка и пластическое искусство [31, р. 15]. Действительно, литературную или художественную мысль можно выразить посредством либо слов, либо звуков, либо изображений, либо многочисленными комбинациями этих базовых средств.

Консервативность перечня объектов авторского права также можно объяснить его открытостью. Это свойство позволяет континентальному авторскому праву достаточно легко адаптироваться к социокультурным и технологическим изменениям. В этом плане возможности англо-американского авторского права являются более скромными. Однако обратной стороной гибкости континентально-правового подхода является неопределенность, которая вряд ли уместна в ситуации, когда речь идет об исключительных правах на объекты, которые в современных условиях могут использоваться повсеместно. Эта неопределенность усиливается еще и тем, что авторские права возникают автоматически, т.е. без соблюдения каких-либо формальностей. Сказанное следует проиллюстрировать рядом референтных примеров из судебной практики. Так, 13 июня 2006 г. Кассационный Суд Франции в споре о парфюме «Dior's Dune» не признал аромат духов объектом авторского права². Суд указал, что аромат духов, представляя собой простую реализацию ноу-хау, не является в смысле закона об авторском праве созданием формы выражения, которая может охраняться авторским правом в качестве произведения. Буквально через три дня Верховный Суд Нидерландов постановил, что духи в принципе могут охраняться авторским правом, если их аромат является оригинальным³. К. Колман (К. Koelman), комментируя это решение, обоснованно замечает, что тот факт, что запахи едва ли вписываются в систему авторского права, не был достаточным для Суда, который сосредоточил свое внимание на

² Cour de Cassation, Chambre civile 1, du 13 juin 2006, 02-44.718. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichJuriJudi.do?oldAction=rechJuriJudi&idTexte=JURITEXT000007056062&fastReqId=257361910&fastPos=1> (дата обращения: 01.02.2019).

³ HR, June 16, 2006, LJV AU8940, Kecofo/Lancôme. URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/inziendocument?id=ECLI:NL:HR:2006:AU8940> (дата обращения: 01.02.2019).

In Belgium, Brazil, Denmark, France, Germany, Japan, the United States, they are classified as complicated objects with elements which should be copyrighted. In the Republic of Korea and Kenya, video games are considered to be audiovisual works [38]. Technically, Internet websites can be regarded as a new copyrighted object. They were only put on the list of composite works by the Federal Law of 13 March, 2013¹. However, prior to this document the definition of a composite work did not prevent anyone from seeing an Internet website as a composite work. It is important to note that this classification does not exclude other views on the legal status of Internet websites. For example, A. A. Kravchenko writes that in a particular context an Internet website could be regarded as follows within the copyright and neighboring rights: 1) software; 2) design solution; 3) composite work; 4) database as a copyrighted object; 5) database as an object of neighboring rights [13, p. 115].

Speaking about some conservatism in the lists of copyrighted objects in the 21st century, it should be noted that, on the one hand, the abovementioned megatrends of the fourth industrial revolution have not interfered into the area of copyrightability yet. Artificial intelligence, being one of the breakthroughs of this revolution, has surely challenged the copyright. However, the problem of artificial intelligence in the copyright is the area of legal personality rather than copyright objects. On the other hand, at the beginning of the 21st century a list of protected works was so extensive that the capacity for the permanent extension of copyrighted objects was seen to be exhausted. The number of ways to objectify literature and artistic works is limited. Claude Colombet wrote about the types of works being the

¹ Federal Law No. 35-FZ "On Amendments to Parts One, Two and Four of the Civil Code of the Russian Federation and Some Legislative Acts of the Russian Federation" of March 12, 2014. *Russian Gazette*. 14 March, 2014.

result of human's artistic endeavors and claimed that in all countries in the world these works refer to this or that main category out of three ones within intellectual creativity: literature, music, and plastic arts [31, p. 15]. Indeed, literature or artistic thought can be expressed either by words or sounds or by multiple combinations of these basic means.

Conservatism of the copyrighted objects list can also be explained by its openness. This feature easily adjusts the continental copyright to sociocultural and technological changes. And here the capacity of the Anglo-American copyright is less extensive. However, the flexibility of the continental copyright approach results in uncertainty, which is hardly appropriate when we are talking about exclusive rights for objects that can be widely used today. This uncertainty becomes more vivid as far as copyright arises automatically, that is, without any formalities. This can be illustrated by a number of referential examples from the court practices. For instance, on 13 June, 2006, the Cassation Court in France did not declare the odor of the perfume "Dior's Dune" to be a copyrighted object in the debate over "Dior's Dune" perfume². The Court pointed out that a perfume odor is a simple implementation of know-how and is not a form of expression in terms of copyright law which could be protected by copyright as a work. Three days later, the Supreme Court of the Netherlands held that, in fact, perfume could be copyrighted provided its odor is unique³. In his comments, K. Koelman reasonably mentions that an odor

² Cour de Cassation, Chambrecivile 1, du juin 13, 2006, 02-44.718. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichJuriJudi.do?oldAction=rechJuriJudi&idTexte=JURITEXT000007056062&fastReqId=257361910&fastPos=1> (accessed 01.02.2019).

³ HR, June 16, 2006, LJV AU8940, Kecofo/Lancôme. Available at: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/inziendocument?id=ECLI:NL:HR:2006:AU8940> (accessed 01.02.2019).

том, что перечень охраняемых произведений является открытым [36, pp. 2–3]. Тем не менее для Кассационного Суда Франции открытый характер перечня охраняемых произведений не является аргументом в пользу охраны аромата духов авторским правом. В постановлении от 10 декабря 2013 г. Суд подтвердил свою позицию, согласно которой авторское право охраняет только такие творения, которые могут быть идентифицированы с достаточной точностью¹.

История о попытках предоставления охраны ароматам духов получила свое продолжение в деле об охране авторским правом вкуса. Датская компания «Levola» предъявила иск о защите авторским правом вкуса производимого ей сливочного сыра. В обоснование своей позиции она ссылалась в том числе на упомянутое выше решение Верховного Суда Нидерландов от 16 июня 2006 г., положительно ответившего на вопрос об охране авторским правом аромата духов. Суд Гааги отказал компании «Levola» в иске. Апелляционный суд 23 мая 2017 г. обратился в Европейский Суд справедливости с запросом о том, является ли в смысле Директивы 2001/29/ЕС² и Бернской конвенции вкус продукта охраняемым авторским правом произведением. В Постановлении от 13 ноября 2018 г. Европейский суд указал: для того чтобы говорить о произведении как объекте, охраняемом авторским правом, объект должен быть выражен таким образом, чтобы его можно было идентифицировать с достаточной точностью и объективностью³. Суд отметил, что вкус пищевого продукта не может быть определен точно и объективно. В отличие, например, от литературного, изобразительного, кинематографического или музыкального произведения, которое является точной и объективной формой выра-

жения, вкус пищевого продукта будет определяться главным образом на основе вкусовых ощущений и переживаний. Эти ощущения являются субъективными и изменчивыми, поскольку они зависят, в частности, от факторов, специфических для человека, пробующего данный продукт, например: возраст, предпочтения в еде и привычки потребления, окружающая среда или условия, в которых продукт употребляется. Дополнительно Суд указал, что в современных условиях невозможно техническими средствами достичь точной и объективной идентификации вкуса пищевого продукта, который отличает его от вкуса других продуктов того же рода. На основании приведенных рассуждений Суд ЕС сделал вывод, что вкус пищевого продукта не может быть квалифицирован как произведение в значении Директивы 2001/29.

Постановление Суда ЕС от 13 ноября 2018 г. имеет принципиально важное значение для авторского права. По сути, оно ставит точку в вопросе об охраноспособности запахов и вкусов. Судя по всему, границы открытого перечня охраняемых авторским правом произведений наконец найдены. Все известные в настоящее время виды произведений либо прямо указаны в законодательных перечнях охраняемых авторским правом произведений, либо квалифицируются через какой-то из видов таких произведений. Примечательно, что Суд ЕС привел лишь аргументы, так сказать, гносеологического, а не онтологического характера. Аргументы гносеологического свойства, обходя стороной вопрос об относимости вкусов и запахов к сфере произведений науки, литературы и искусства, сводятся к тому, что в настоящее время невозможно четко и объективно определить эти объекты, а следовательно, нельзя предоставить им правовую охрану. Слабость этих аргументов заключается в том, что изучение человеческого мозга, возможно, в ближайшем будущем позволит более четко и объективно описывать ощущения, которые испытывает человек, воспринимая те или иные вещества через обоняние или вкус. Соответственно, к вопросу об охраноспособности этих объектов, может быть, придется вернуться. Под аргументами онтологического свойства мы понимаем рассуждения о том, являются ли вкусы и запахи как таковые литературными и художественными

could hardly fit the copyright system, which was not sufficient for the Court which focused on the fact that the list of copyrighted objects is open [36, pp. 2–3]. The Cassation Court in France, however, did not find the open nature of the copyrighted object list to be the adequate argument to grant copyright to the odor. In its Judgement of 10 December, 2013, the Court clearly expresses that copyright applies to those works which could be precisely and clearly identified¹.

This story of attempts to copyright the odor of the perfume continued in the taste copyright case. Levola, a company from Denmark, commenced an action to copyright the taste of the crème cheese it manufactures. Its position was justified by the reference to the abovementioned Judgement of the Supreme Court of the Netherlands on 16 June, 2006, bringing a favourable decision towards copyrighting the odor of the perfume. The Hague Court dismissed the action of Levola. On 23 May, 2017, the Court of Appeal addressed the European Court of Justice with a request whether the taste of a product is considered to be a copyrighted object in terms of the Copyright Directive 2001/29/EC² and Berne Convention. The European Court in its Judgment of 13 November, 2018, stated that a work could be considered to be a copyrighted object provided the object is expressed in a manner which makes it identifiable with sufficient precision and objectivity³. The Court pointed out that the taste of a food product cannot be identified with precision and objectivity. Unlike, for example, a

literary, pictorial, cinematographic or musical work, which is a precise and objective form of expression, the taste of a food product will be identified mainly based on taste sensations and experiences. These sensations are subjective and variable, because they depend, for example, on the factors specific for a person tasting the product in question, such as age, food preferences and consumption habits, as well as the environment or context in which the product is consumed. What is more, the Court stated that it is impossible in the current conditions to achieve a precise and objective identification of the taste of a food product which distinguishes it from the taste of other products of the same kind. In the view of the above, the European Court of Justice concluded that the taste of a food product cannot be classified as a work in the meaning of Directive 2001/29.

The Judgement of the European Court of 13 November, 2018 is crucial for copyright. In fact, it sealed the deal concerning copyrightability of tastes and odors. It seems that the limits of an open list of copyrighted objects are finally defined. All presently known works are either directly stated in the legislative lists of copyrighted works or classified as a type of these works. It is notable that the European Court of Justice gave, so to say, gnosological rather than ontological arguments. Gnosological arguments do not touch the issue of taste and smell attribution to the area of science, literature and arts works; they focus on the fact that today it is impossible to classify these objects in an objective manner, and thus it is impossible to copyright them. These arguments are poor as far as studies into the human brain in the near future could possibly contribute into more precise and objective description of the sensations which a person experiences when smelling or tasting these or those substances. Thus, the question of copyrightability of these objects is likely to come back again. Ontological arguments deal with the speculations whether tastes and smells as they are could be seen as literature and artistic works.

¹ Cour de cassation, civile, Chambre commerciale, 10 décembre 2013, 11-19.872. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichJuriJudi.do?oldAction=rechJuriJudi&idTexte=JURITEXT000028329512&fastReqId=1235557305&fastPos=1> (дата обращения: 01.02.2019).

² Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the Harmonisation of Certain Aspects of Copyright and Related Rights in the Information Society. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/126977> (дата обращения: 01.02.2019).

³ Judgment of the European Court of Justice 13 November 2018. C-310/17. URL: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?jsessionid=D9A5AC0DC20F0D329C8FDD3C78346C63?text=&docid=207682&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=3101735> (дата обращения: 01.02.2019).

¹ Cour de cassation, civile, Chambre commerciale, 10 décembre 2013, 11-19.872. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichJuriJudi.do?oldAction=rechJuriJudi&idTexte=JURITEXT000028329512&fastReqId=1235557305&fastPos=1> (accessed 01.02.2019).

² Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of May 22, 2001 on the Harmonisation of Certain Aspects of Copyright and Related Rights in the Information Society. Available at: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/126977> (accessed 01.02.2019).

³ Judgment of the European Court of Justice in case C-310/17 of November 13, 2018. Available at: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?jsessionid=D9A5AC0DC20F0D329C8FDD3C78346C63?text=&docid=207682&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=3101735> (accessed 01.02.2019).

произведениями. Представляется, что вкусы и запахи, независимо от их оригинальности, не являются произведениями. Произведение – это результат интеллектуальной деятельности автора. Оно существует объективно и не зависит от факта его восприятия человеком. Напротив, вкус и запах представляют собой ощущения, ставшие результатом воздействия химических веществ на рецепторы органов вкуса или слизистой оболочки носа соответственно. Охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности в данной сфере являются химические вещества, вызывающие определенные ощущения. В сложившейся системе права интеллектуальной собственности эти вещества могут охраняться либо как изобретения, либо как ноу-хау. Правильным представляется законодательное указание на то, что вкусы и запахи не являются произведениями науки, литературы и искусства.

В судебной практике Российской Федерации, насколько удалось установить, споров об охраноспособности запахов или вкусов не было. К числу курьезных судебных постановлений, необоснованно предоставивших охрану объектам, которые не должны охраняться авторским правом, можно отнести упомянутое выше определение Верховного Суда РФ от 8 апреля 2015 г., которым Суд признал объектами авторского права координаты пунктов государственной геодезической сети. Управление Росреестра по Волгоградской области обратилось в суд с иском о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав за то, что ответчик использовал координаты пунктов государственной геодезической сети без наличия соответствующего разрешения. Ни ГК РФ, ни действовавший во время спора Федеральный закон «О геодезии и картографии»¹ не признают координаты пунктов государственной геодезической сети объектами авторского права. В статье 11 закона «О геодезии и картографии» установлено, что исключительные права на результаты геодезической и картографической деятельности признаются и осуществляются в соответствии с гражданским законодательством. Формулируя позицию об охране авторским правом координат, Верховный Суд РФ

сослался в том числе на статью 10 Федерального закона о введении в действие части 4 ГК РФ². Особенностью этой статьи является то, что материалы государственного картографо-геодезического фонда Российской Федерации регламентируются в ней как часть результатов интеллектуальной деятельности в области геодезии и картографии. В статье 1 закона «О геодезии и картографии» картографо-геодезический фонд определен через совокупность материалов и данных, созданных в результате осуществления геодезической и картографической деятельности. В той же статье геодезия определена как область отношений, возникающих в процессе научной, технической и производственной деятельности по определению фигуры, размеров, гравитационного поля Земли, координат точек земной поверхности и их изменений во времени. Таким образом, у Верховного Суда РФ был формальный повод признать координаты точек земной поверхности результатами интеллектуальной деятельности. Кроме того, руководствуясь тем, что в Законе геодезическая деятельность обозначена как научная, техническая и производственная деятельность, Верховный Суд сделал вывод о том, что процесс создания геодезических материалов и данных может носить как технический, производственный характер, так и быть процессом научной деятельности, т. е. носить творческий характер.

Представляется, что в рассматриваемом деле Верховный Суд допустил две принципиальные ошибки. Во-первых, координаты были признаны объектами авторского права, тогда как в пункте 5 статьи 1259 ГК РФ четко сказано, что авторские права не распространяются на открытия и факты. Дихотомия идей, фактов (неохраняемого содержания) и их выражения (охраняемой формы) представляет собой важнейший принцип авторского права. К сожалению, этот принцип был проигнорирован Верховным Судом. Во-вторых, из сомнительных и не основанных на фактах рассуждений о том, что процесс создания геодезических материалов может иметь творческий характер, был сделан вывод об охраноспособности координат. Однако творческая деятельность не сводится

¹ *О геодезии и картографии*: Федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 209-ФЗ // Российская газета. 1996. 13 янв. (Утратил силу).

² *О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации*: Федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 231-ФЗ // Парламентская газета. 2006. 21 дек.

We believe that smells and tastes, apart from their authenticity, are not works. A work is a result of intellectual endeavors of a creator. It is objective in its existence apart from its perception by a person. In fact, taste and smell are sensations which are the results of chemical exposure to the receptors of taste organs or nasal mucosa, respectively. In this case chemical substances causing particular sensations are protected results of intellectual activities. The established system of intellectual copyright could see these substances either as inventions or as know-hows. We believe legislation should clearly specify that smells and tastes are not works of science, literature, and arts.

As far as we know, the court practices of the Russian Federation have not seen any disputes over the smell or taste copyrightability so far. The abovementioned Judgment of the RF Supreme Court of 8 April, 2015, could be referred to the funniest court resolutions granting copyright to objects which are not supposed to be copyrighted. The Court recognized the coordinates of the state geodesic network facilities as copyrighted objects. The Department of Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography for Volgograd Oblast filed a lawsuit seeking the collection of compensation for violating the exclusive rights since the defendant used the coordinates of the state geodesic network facilities without the appropriate permit. Neither the RF Civil Code, Federal Law “On Geodesy and Cartography”, in force at that time,¹ recognized the coordinates of the state geodesic network facilities to be copyrighted objects. Article 11 of the Law “On Geodesy and Cartography” declared that the exclusive right for the results of geodesic and cartographic activities are recognized and executed under civil legislation. When wording its approach to the copyrighted coordinates, the RF Supreme Court

referred, among other sources, to Article 10 of the Federal Law on enforcement of Part Four of the RF Civil Code². This article is specific as the materials of the state cartographic and geodesic fund of the Russian Federation are considered to be part of the results of intellectual endeavors in geodesy and cartography. Article 1 of the Law “On Geodesy and Cartography” defines the cartographic and geodesic fund as a set of materials and data derived from geodesic and cartographic activities. This article also defines geodesy as an area of relationships developed during academic, technical and industrial activities in identifying the shape, size, gravitational field of the Earth, coordinates of the earth surface points and their changes in time. Thus, the RF Supreme Court had a technical reason for recognizing the earth surface points as the results of intellectual activity. Moreover, as far as the law defines geodesic activity as an academic, technical and industrial activity, the Supreme Court concludes that creation of geodesic materials and data could be of technical, industrial nature and could be the process of academic activity, i.e. to be creative in its nature.

We believe that the Supreme Court made two crucial mistakes in the proceedings. First of all, the coordinates were recognized as copyrighted objects, while Clause 5 of Article 1259 of the RF Civil Code clearly declares that copyright does not apply to inventions and facts. Dichotomy of ideas, facts (non-copyrighted content) and their expressions (copyrighted form) are the crucial principle of the copyright. Unfortunately, this approach was ignored by the Supreme Court. Secondly, doubtful and having no basis in fact speculations about the creative nature of the creation of geodesic materials process served as the grounds for the conclusion about the copyrightability of coordinates. However, creative activity is not only about creation of

¹ Federal Law No. 209-FZ “On Geodesy and Cartography” of December 26, 1995. *Russian Gazette*. January 13, 1996. (no longer valid).

² Federal Law No. 231-FZ “On Enforcement of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation” of December 18, 2006. *Parliamentary Gazette*. 21 December, 2006.

только к созданию произведений. Иными словами, из признания той или иной деятельности творческой не следует, что все связанные с ней результаты охраняются авторским правом. Представляется, что, решая вопрос об охране объекта авторским правом, сначала следует определить, относится ли этот объект к числу произведений науки, литературы и искусства, и только потом (в случае положительного ответа) установить, является ли он произведением творческим.

Примечательно, что Федеральным законом от 29 июня 2015 г. в пункт 5 статьи 1259 ГК РФ были внесены изменения¹. В перечень объектов, на которые авторские права не распространяются, была включена геологическая информация о недрах. Такое решение, с нашей точки зрения, является обоснованным. Более того, его следовало бы продолжить и включить в статью 1259 ГК РФ положения о том, что авторские права не распространяются на вкусы, запахи, координаты земной поверхности. В целом, в настоящее время представляется оправданным переход к установлению закрытого законодательного перечня охраняемых авторским правом произведений.

Объекты смежных прав, получающие охрану в XXI веке

Термин «смежные права» (neighboring rights) первоначально стал использоваться в правовых документах как техническое и временное название зарождающегося института, которым предполагалось охранять права артистов-исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций. Однако впоследствии это название приобрело общезначимый характер, а указанные права стали восприниматься в качестве классических смежных прав. Отсутствие явно выраженной идеи в наименовании «смежные права» благоприятствовало тому, что в национальных законодательствах перечни этих прав существенно различаются. Наибольшее число смежных прав закреплено в законодательстве Австрии, Германии, Дании, Италии [17].

¹ О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О недрах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 29 июня 2015 г. № 205-ФЗ // <http://www.pravo.gov.ru>. 30.06.2015.

Наиболее динамично институт смежных прав развивается в праве Европейского Союза. Дополнительно к классической триаде этих прав в европейском праве в конце XX в. была провозглашена охрана следующих прав: права продюсеров кинофильмов²; право на произведения, впервые опубликованные после того, как они перешли в общественное достояние (право публикатора); право на критические и научные публикации произведений, которые находятся в общественном достоянии³. Кроме того, в Директиве, посвященной охране баз данных⁴, было признано исключительное право на нетворческие базы данных, создание которых требует вложения значительных человеческих, технических и финансовых ресурсов. Это право названо «*sui generis*». В то же время это право относится к числу смежных прав, например, в Австрии, Германии, Швеции. Европейский опыт частично был заимствован Российской Федерацией. С принятием в 2006 г. части 4 ГК РФ в нее было решено включить в качестве смежных прав право на нетворческие базы данных и право публикатора.

В настоящее время в ЕС продолжается расширение круга смежных прав. В 2016 г. Европейская комиссия представила проект Директивы об авторском праве на едином цифровом рынке⁵. В этом документе сосредоточены основные предложения по адаптации авторского права и смежных прав ЕС к цифровой среде. В текст Директивы неоднократно вносились изменения. Европейский парламент принял ее в первом чтении 12 сентября 2018 г.⁶ В результа-

² Директива № 92/100/ЕЕС от 19 нояб. 1992 г. о праве аренды, праве безвозмездного пользования и некоторых правах, смежных с авторским правом в сфере интеллектуальной собственности. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/5815> (дата обращения: 01.02.2019).

³ Директива ЕС № 93/98/ЕЕС от 29 окт. 1993 г. о гармонизации срока охраны авторского права и некоторых смежных прав. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/1427> (дата обращения: 01.02.2019).

⁴ Директива Европейского парламента и Совета ЕС № 96/9/ЕС от 11 марта 1996 г. о правовой охране баз данных. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/1409> (дата обращения: 01.02.2019).

⁵ Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on Copyright in the Digital Single Market. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52016PC0593> (дата обращения: 01.02.2019).

⁶ Amendments adopted by the European Parliament on 12 September 2018 on the proposal for a directive of the European Parliament and of the Council on copyright in the Digital Single Market. URL: <https://www.europarl.europa.eu/sides/>

works. In other words, recognizing this or that activity to be a creative one does not mean that all the associated results are copyrighted. We think that the issue of a copyrighted object requires one to understand whether the object can be referred to works of science, literature, and arts, and then (in case of a positive answer) to determine whether this work is a creative one.

It is notable that the Federal Law of 29 June, 2015, introduced some amendments to Clause 5 of Article 1259 of the RF Civil Code¹. The list of objects which are not considered copyrighted objects was added with geological information about mineral resources. The amendment appears to be quite reasonable. Moreover, it would be the right idea to continue changes and supplement Article 1259 of the RF Civil Code with the provision that copyright does not apply to tastes, smells, coordinates of the earth surface. On the whole, the shift towards an exhaustive law-based list of copyrighted objects is seen to be reasonable.

Objects of Neighboring Rights Acquiring Protection in the 21st Century

The term “neighboring rights” or “related rights” was originally used in legal papers as a technical and temporary name for the emerging institute which was supposed to protect the rights of performing artists, record producers and broadcasting companies. However, later this name became rather general, and the mentioned rights were perceived as classical neighboring rights. A lack of clearly expressed idea in the wording “neighboring rights” contributed into the situation when the lists of these rights significantly differ in national legislations. The longest lists of neighboring rights are provided in the legislations of Austria, Germany, Denmark, Italy [17].

¹ Federal Law No. 205-FZ “On Amendments to the Law of the Russian Federation ‘On Mineral Resources’ and Some Legislative Acts of the Russian Federation” of June 29, 2015. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 01.02.2019).

The institute of neighboring rights is dynamically developing in the law of the European Union. The classical triad of these rights in the European law was extended due to the protection granted to the following rights at the end of 20th century: rights of film producers², the right for works which are published for the first time after they have acquired the status of public ownership (the right of the publisher), the right for critical and scientific publications of works which are in public domain³. Moreover, the Directive devoted to the protection of databases⁴ recognized the exclusive right for non-creative databases, designing which requires investment of significant human, technical and financial resources. This right is called *sui generis*. At the same time, this right refers to neighboring rights, for example, in Austria, Germany, Sweden. European practices were partially borrowed by the Russian Federation. Part Four of the RF Civil Code approved in 2006 included the right for non-creative databases and the right of the publisher as neighboring rights.

Today, the European Union continues to extend the list of neighboring rights. In 2016, the European Committee drafted the Directive on Copyright in the Digital Single Market⁵. This document summarizes the main proposals concerning the adjustment of the copyright and neighboring rights of the European Union to the digital environment. The Directive has been changed many times. The European Parliament adopted it in the first reading on 12 September, 2018⁶.

² Directive 2006/115/EC of the European Parliament and of the Council of December 12, 2006 on Rental Right and Lending Right and on Certain Rights Related to Copyright in the Field of Intellectual Property (codified version). Available at: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=179834 (accessed 01.02.2019).

³ Directive No. 2006/116/EC of the European Parliament and of the Council of December 12, 2006 on the Term of Protection of Copyright and Certain Related Rights (codified version). Available at: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=17095> (accessed 01.02.2019).

⁴ Directive No. 96/9/EC of the European Parliament and of the Council, of March 11, 1996 on the Legal Protection of Databases. Available at: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=126789 (accessed 01.02.2019).

⁵ Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on Copyright in the Digital Single Market. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52016PC0593> (accessed 01.02.2019).

⁶ Amendments Adopted by the European Parliament on 12 September 2018 on the Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on Copyright in the Digital Single Market. Available at: <https://www.europarl.europa.eu/>

те непростых переговоров в Европейском Совете и Европейской комиссии вновь измененный текст Директивы был представлен в Европейский парламент 13 февраля 2019 г.¹

В Директиве предлагается признать два новых смежных права. Первым является право издателей прессы на онлайн-использование их публикаций агрегаторами новостей. В последние годы на рынке публикации новостей появились новые игроки, которыми, в частности, являются новостные агрегаторы (например, «GoogleNews», «Яндекс.Новости»), а также социальные сети. Эти онлайн-платформы отображают структурированную новостную ленту (подборку новостей из различных СМИ), которая автоматически формируется по различным критериям. Предлагаемое в Директиве право издателей прессы призвано защитить их интересы, которые, по мнению Европейской комиссии, ущемляются деятельностью агрегаторов новостей. Согласно пункту 1 статьи 11 Директивы, государства-члены предоставляют издателям пресс-публикаций, созданных в государстве-члене, права, предусмотренные в статье 2 и пункте 2 статьи 3 Директивы 2001/29 /ЕС, на онлайн-использование их публикаций поставщиками услуг информационного общества. Права, предусмотренные статьей 2 и пунктом 2 статьи 3 Директивы 2001/29 /ЕС, – это право на воспроизведение и право на доведение до всеобщего сведения. Право издателей пресс-публикаций отнесено в пункте 32 преамбулы Директивы к смежным правам. Оно является самостоятельным правом по отношению к авторским правам на тексты статей и другие объекты, размещаемые на сайтах СМИ.

Подход рассматривать новое право издателей прессы как смежное право в рамках европейского авторского права представляется актуальным и обоснованным, так как континентальное авторское право, в отличие от англо-американского, охраняет только творческие произведения. Любопытно, что в 2013 г. Германия уже признала за издателями новостей

исключительное смежное право (§ 87f–87h Закона об авторском праве и смежных правах)². Однако на практике германские издательства разрешили «GoogleNews» безвозмездно использовать их контент. Второй страной, которая установила охрану прав издателей прессы, стала Испания. Здесь в 2014 г. был избран механизм предоставления издателям права на вознаграждение, установленного в рамках платного свободного использования публикаций прессы (п. 2 ст. 32 Закона об интеллектуальной собственности). При этом осуществление предоставленного права на вознаграждение возможно только в рамках коллективного управления авторскими правами. Такая модель охраны интересов издателей является менее гибкой и удобной, чем модель исключительного права, где сам издатель решает, требовать или нет от агрегатора новостей уплаты вознаграждения. Негативным эффектом от испанского подхода стало то, что «GoogleNews» ушел из Испании³. Таким образом, и в Германии, и в Испании издателям прессы не удалось монетизировать предоставленные им права.

Объектом нового смежного права издателей является пресс-публикация, под которой понимается сборник, состоящий в основном из литературных произведений журналистского характера, который: 1) может также включать другие произведения или объекты; 2) представляет собой отдельный элемент в периодическом или регулярно обновляемом издании (газете или журнале общего или специального характера); 3) имеет целью предоставить широкой публике информацию, связанную с новостями или другими темами; 4) публикуется в любых средствах массовой информации по инициативе поставщика услуг и под его редакционной ответственностью (ст. 2 Директивы). Там же сказано, что академические и научные периодические издания не являются пресс-публикациями в смысле настоящей Директивы. В пункте 33 преамбулы уточнено, что пресс-

² Закон Федеративной Республики Германия об авторском праве и смежных правах от 9 сент. 1965 г. URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=239044 (дата обращения: 01.02.2019).

³ Online News Aggregation and Neighbouring Rights for News Publishers. URL: <https://www.asktheeu.org/en/request/4776/response/15356/attach/6/Doc1.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).

Due to the challenging negotiations in the European Union and European Committee, the Directive was changed again, and the new text was heard in the European Parliament on 13 February, 2019¹.

The Directive proposes to recognize two new neighboring rights. The first one is the right of the press publishers for online use of their publications by the news aggregators. Recently, there have appeared new players in the market of news publication, in particular, the news aggregators (for example, GoogleNews, Yandex.News) as well as social networking sites. These online platforms display structured news feed (selection of news from different mass media) which is automatically generated into different categories. The right of the press publishers proposed in the Directive is designed to protect their interests, which, as the European Committee believes, are violated by the operation of the news aggregators. Under Clause 1 of Article 11 of the Directive, the member states grant the publishers of press-publications created in the member state the rights specified in Article 2 and Clause 2 of Article 3 of the Directive 2001/29 /EC for online use of their publications by service providers of the information society. The rights provided for in Article 2 and Clause 2 of Article 3 of the Directive 2001/29 /EC are the right to reproduction and the right for making available to the public. The right of the publishers of press-publications is referred to neighboring rights in Clause 32 of the Directive preamble. It is an independent right in relation to the copyright for texts of the articles and other objects placed on the mass media websites.

The approach to consider the new right of the press publishers as a neighboring right within the European copyright appears to be reasonable, because the continental copyright, unlike the

Anglo-American copyright, only protects creative works. It is interesting to note that in 2013 Germany already recognized the exclusive neighboring right of the news publishers (§ 87f–87h of the Act on Copyright and Related Rights)². However, in practice German publishing houses allowed GoogleNews to use their content free of charge. Spain was the second country to introduce protection of the press publishers' rights. In 2014 there was selected a mechanism for providing publishers with the right for remuneration established within the fee-based independent usage of the press publications (Clause 2 of Article 32 of the Law on Intellectual Property). At the same time, this right for remuneration could be exercised within the collective management of copyrights. This model for the protection of publishers' interests is less flexible and convenient than the model of the exclusive right, where the publisher decides whether to charge the news aggregator or not. This Spanish approach gave a negative result as GoogleNews left Spain³. Thus, both in Germany and in Spain the press publishers did not manage to monetize the granted rights.

The object of the new neighboring right of publishers is a press-publication, which is defined as a collection of mainly literature works of journalistic nature which 1) can also include other works or objects; 2) are a separate element in a periodic or regularly updated issue (newspaper or general or specialized journal); 3) have the purpose to publicize information connected with the news or other topics; 4) are published in any mass media at the initiative of the service provider and under its editor responsibility (Article 2 of the Directive). The Directive also states that academic and periodic issues are not press-publications in terms of the present Directive.

¹ Proposal for a Directive of the European Parliament And of the Council On Copyright in the Digital Single Market (text with a relevance). Available at: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/plmrep/COMMITTEES/JURI/DV/2019/02-26/Copyright-AnnextoCOREPERletter_EN.pdf (accessed 26.02.2019).

² Law of the Federal Republic of Germany on Copyright and Neighboring Rights of September 9, 1965. Available at: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=239044 (accessed 01.02.2019).

³ Online News Aggregation and Neighbouring Rights for News Publishers. Available at: <https://www.asktheeu.org/en/request/4776/response/15356/attach/6/Doc1.pdf> (accessed 01.02.2019).

[getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2018-0337+0+DOC+XML+V0//EN](http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/plmrep/COMMITTEES/JURI/DV/2019/02-26/Copyright-AnnextoCOREPERletter_EN.pdf) (дата обращения: 01.02.2019).

¹ Proposal for a Directive of the European Parliament And of the Council On Copyright in the Digital Single Market (text with a relevance) URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/plmrep/COMMITTEES/JURI/DV/2019/02-26/Copyright-AnnextoCOREPERletter_EN.pdf (дата обращения: 26.02.2019).

публикации содержат в основном литературные произведения, но все чаще включают в себя фотографии и видео. Отдельные слова или очень короткие выдержки из публикаций не являются объектом нового смежного права (п. 1 ст. 11).

Вторым смежным правом, включенным в проект Директивы, стало право организаторов спортивных мероприятий разрешать запись и последующее воспроизведение или сообщение до всеобщего сведения соответствующих соревнований (право на освещение спортивных мероприятий). В начале XXI в. благодаря цифровому вещанию, Интернету и новым технологиям видеозаписи индустрия спортивных трансляций показала существенный рост аудитории и денежного потока. А. М. Кузнецова справедливо отмечает, что рост эксплуатации прав на результаты творческой деятельности в сфере спорта превращается сегодня в один из самых мощных источников финансирования спортивной деятельности и спортивных мероприятий [14, с. 4].

Хотя права вещательных организаций были признаны еще в XX в., эта охрана не затрагивает следующих вопросов: является ли объектом каких-либо прав само спортивное соревнование, кто вправе контролировать запись этих мероприятий. Между тем эти вопросы имеют фундаментальный характер для права интеллектуальной собственности в сфере спорта. Т. Маргони (T. Margoni) полагает, что, несмотря на отсутствие в Европейском Союзе гармонизации прав на спортивные соревнования, правовое регулирование в странах ЕС хорошо обеспечивает защиту инвестиций в данную индустрию [37, р. 388]. Как отмечается в масштабном исследовании, посвященном охране прав организаторов спортивных мероприятий, в большинстве стран Европейского Союза нет четкой регламентации прав на спортивные соревнования. Такие страны, как Франция, Греция, Болгария, Румыния, Венгрия, Италия, установили специальную охрану прав организаторов спортивных мероприятий в своих национальных законах [30, pp. 12–13].

Вопрос о правообъектности спортивного мероприятия в контексте права интеллектуальной собственности был предметом анализа Суда справедливости ЕС. В решении от 4 октября 2011 г. Суд пришел к выводу, что фут-

больные матчи не могут рассматриваться как охраняемые авторским правом произведения¹. По мнению Суда ЕС, чтобы квалифицироваться в качестве произведения рассматриваемый объект должен быть оригинальным в том смысле, что он является интеллектуальным творением автора. Однако спортивные мероприятия не могут рассматриваться как результаты интеллектуальной деятельности в смысле авторского права, так как в них нет места для творческой свободы. Представляется, что Суд ЕС сделал также значимый вывод, постановив, что спортивные мероприятия как таковые имеют уникальный характер и что они как самостоятельный объект заслуживают правовой охраны. Такая охрана может быть сравнима с защитой произведений. Из этого положения, на наш взгляд, следует явный вывод, что охрана, сравнимая с авторско-правовой, но не являющаяся таковой, – это охрана в форме смежных прав.

Европейский парламент, принимая 12 сентября 2018 г. Директиву в первом чтении, включил в нее статью 12а. В этой статье было установлено, что государства-члены предоставляют организаторам спортивных мероприятий права, предусмотренные в статье 2 и в пункте 2 статьи 3 Директивы 2001/29 / ЕС и в статье 7 Директивы 2006/115 / ЕС. Имеются в виду право на воспроизведение, право на доведение до всеобщего сведения и право на запись. Следует заметить, что право на запись характерно только для смежных прав, что подтверждает нашу точку зрения о смежно-правовой природе рассматриваемого права. Однако инициатива Европейского парламента не нашла поддержку при согласовании Директивы в Европейском Совете и Европейской комиссии. И статья 12а была исключена из текста Директивы, представленного 13 февраля 2019 г. в Европейский парламент.

Право на освещение спортивных мероприятий охраняется в России. Согласно пункту 4 статьи 20 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» организаторам физкультурных и спортивных мероприятий принадлежат права на их ос-

¹ Judgment of the European Court of Justice 4 October 2011. C-403/08, C-429/08. URL: <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-403/08&language=en> (дата обращения: 01.02.2019).

Clause 3 of the preamble states that press-publications mainly include literature works, but more often than not they include photos and videos. Separate words or very short extracts from publications are not objects of neighboring rights (Clause 1 Article 11).

The second neighboring right included into the draft Directive was the right of sporting event organizers for recording and further reproduction of the respective competitions and making them available to the public (the right to coverage of sporting events). At the beginning of the 21st century, digital broadcasting, Internet and new technologies of video recording boosted the audience and cash inflow in the industry of sports broadcasting. A. M. Kuznetsova reasonably notes that today a wide exploitation of the right for the results of creative activities in sports appears to be one of the most powerful financing sources for sporting activities and events [14, p. 4].

The rights of broadcasting organizations were recognized to exist in the 20th century, although this protection does not consider the following issues: whether a sporting event itself constitutes an object of some rights, and who has the right to control recording of such events. Meanwhile, these questions are fundamental for the intellectual property right in sports. T. Margoni believes that, despite the lack of harmonization for rights to sporting events in the European Union, the legal regulation in the EU countries protects investment in this industry in a proper manner [37, p. 388]. A large-scale research devoted to the protection of the rights of sporting event organizers notes that many EU countries lack clear regulation of the rights to sporting events. Some countries, including France, Greece, Bulgaria, Romania, Hungary, Italy, established a special protection for rights of sporting event organizers in their national laws [30, pp. 12–13].

The issue of the sporting event copyrightability in the context of the intellectual property right was analyzed by the European Court of Justice. In its Judgment of 4 October, 2011, the

Court came to a conclusion that football matches cannot be considered copyrighted works¹. The European Court of Justice believes that, to be classified as a work, an object should be original, which means it is an intellectual creation of an author. However, sporting events cannot be regarded as results of intellectual endeavors in terms of copyright, because they are not associated with creative freedom. The EU Court also made a significant conclusion in its Judgment that sporting events as they are have a unique nature and they deserve to be protected as an independent object. This protection could be compared with the protection of works. This provision makes us conclude that the protection compared with the copyright protection but not being that is the protection in the form of neighboring rights.

The European Parliament adopted the Directive in its first reading on 12 September, 2018, and added Article 12a. This article declares that the member states grant organizers of sporting events the rights under Article 2 and Clause 2 of Article 3 of the Directive 2001/29 / EC and Article 7 of the Directive 2006/115 / EC. That is the right to reproduction, the right for making available to the public and the right for recording. It should be noted that the right for recording is only typical of neighboring rights, which supports our view on the neighboring right nature of the right in question. However, the European Parliament was not supported in its initiative in the European Council and by the European Committee. As a result, Article 12a was excluded from the text of the Directive presented on 13 February, 2019 in the European Parliament.

The right to coverage of sporting events is protected in Russia. According to Clause 4 of Article 20 of the Federal Law “On physical culture and sports in the Russian Federation”, organizers of sporting events possess the right to their coverage

¹ Judgment of the European Court of Justice in cases C-403/08, C-429/08 of October 4, 2011. Available at: <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-403/08&language=en> (accessed 01.02.2019).

вещение посредством трансляции изображения и (или) звука мероприятий любыми способами¹. В пункте 5 той же статьи сказано, что эти права могут быть использованы третьими лицами только на основании разрешений организаторов физкультурных и спортивных мероприятий или соглашений о приобретении третьими лицами этих прав. Правильной представляется точка зрения, согласно которой по своей природе право на освещение является близким смежному праву вещательных организаций [14, с. 11; 8, с. 17–18]. Регламентация этого права в рамках главы 71 ГК РФ видится своевременной.

Объекты патентных прав, получающие охрану в XXI веке

Одним из ярких проявлений научно-технического развития являются биомедицинские клеточные продукты. Эти результаты пока не выделены в самостоятельный вид объектов интеллектуальной собственности, но уже достаточно давно используются для лечения и профилактики различных заболеваний человека, а также в целях медицинской реабилитации. Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» в гражданский оборот на территории Российской Федерации введен новый объект – биомедицинский клеточный продукт (ст. 2). Под ним понимается комплекс, состоящий из клеточной линии (клеточных линий) и вспомогательных веществ либо из клеточной линии (клеточных линий) и вспомогательных веществ в сочетании с прошедшими государственную регистрацию лекарственными препаратами для медицинского применения и (или) медицинскими изделиями, предназначенный для профилактики, диагностики и лечения заболеваний или состояний пациента, сохранения беременности и медицинской реабилитации пациента.

Принятие указанного Федерального закона, вне всякого сомнения, следует признать прогрессивным шагом как в области отечественной юриспруденции, так и в сфере биотехнологии, поскольку данным нормативным правовым актом предоставлены широкие возмож-

ности использования инновационных технологий в различных направлениях медицины [23, с. 71–72]. В силу особой важности данного объекта в процессе лечения, диагностики и профилактики заболеваний человека уделите процессу его законодательного признания и введения в гражданский оборот особое внимание.

Дело в том, что разработка, апробация и использование новых биотехнологических лекарственных и профилактических препаратов, а также способов диагностики непосредственно связаны с участием человека в качестве субъекта эксперимента, который нередко является риском для жизни. Поэтому необходимы юридические гарантии правомерности такой деятельности и должны быть основаны на принципах добровольности и согласия. Данные обстоятельства послужили одним из оснований принятия Всемирной медицинской ассоциацией декларации, регулирующей отношения в сфере биотехнологии – «Этические принципы проведения медицинских исследований с участием людей в качестве субъектов исследования» (принята на 18-й Генеральной ассамблее Всемирной медицинской ассоциации (World Medical Association – WMA), г. Хельсинки, июнь 1964 г.)². Эта декларация содержит рекомендации для врачей, проводящих медико-биологические исследования на людях. Несмотря на рекомендательный характер, ее положения получили свое развитие и конкретизацию в ряде международных нормативных правовых актов, в том числе в Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенции о правах человека и биомедицине ETS № 164 (заключена в г. Овьедо 4 апреля 1997 г.)³. Указанную Конвенцию подписали около 40 стран, она базируется на принципах, закрепленных во многих международных правовых документах, в частности во Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 де-

² Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации. URL: <http://www.sgm.ru/sci/ethical/files/hd.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).

³ Конвенция о правах человека и биомедицине от 4 апр. 1997 г. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/fr/Treaties/html/164.htm> (дата обращения: 01.02.2019).

by broadcasting the image and(or) sound of the events by any means¹. Clause 5 of the same article states that these rights could be used by the third parties with the permit from the organizers of physical and sporting events or under agreements on acquisition of these rights with the third parties. The view that the right for making available to the public in its nature is close to the neighboring right of broadcasting companies appears to be reasonable [14, p. 11; 8, pp. 17–18]. The regulation of this right in Chapter 71 of the RF Civil Code should be considered timely.

Objects of Patent Rights Acquiring Protection in the 21st Century

One of the most remarkable outputs of the scientific and technological development is the emergence of biomedical cell products. These products have not yet been recognized as a separate category of intellectual property objects despite their relatively long-established use for the purposes of treatment and prevention of different human diseases, as well as for medical rehabilitation. Federal Law No. 180-FZ dated 23 June, 2016 “On biomedical cell products” introduced a new object into civil circulation in the territory of the Russian Federation, namely, biomedical cell products (Article 2). It should be understood as a complex consisting of a cell line (cell lines) and excipients or of a cell line (cell lines) and excipients in combination with publicly registered pharmaceuticals for human use and(or) medical devices designed for the prevention, diagnostics and treatment of human diseases or conditions, pregnancy maintenance and medical rehabilitation of patients.

Adoption of the abovementioned federal law should undoubtedly be considered a progressive development both in the area of national jurisprudence and in that of biotechnology, as the stated regulatory legal act promotes numerous opportunities for using innovative technologies

¹ Federal Law No. 329-FZ “On Physical Education and Sports in the Russian Federation” of December 4, 2007. *Russian Gazette*. No. 276. December 8, 2007.

in different areas of medicine [23, pp. 71–72]. As far as this object is of special importance for treatment, diagnostics and prevention of human diseases, the process of its legislative recognition should be described in detail.

As a matter of fact, development, testing and use of new biotechnological pharmaceuticals and preventive medicines, as well as diagnostic methods, are directly related to the participation of an individual as an experiment subject, which often turns out to be life-threatening. Therefore, legal guarantees should be provided to support the lawfulness of such activity, and they should be based on the principles of voluntariness and agreement. These circumstances were one of the reasons for adopting the World Medical Association Declaration to regulate relations in the sphere of biotechnology – “Ethical principles for medical research involving humans subjects” (adopted by the 18th WMA General Assembly, Helsinki, Finland, June 1964)². This declaration provides recommendations for physicians conducting medical and biological research involving human subjects. Although it is of advisory nature, its provisions were further developed and specified in a number of international regulatory legal acts, including Convention for the Protection of Human Rights and Dignity with regard to the applications of biological and medical achievements: Convention on Human Rights and Biomedicine ETS No. 164 (adopted in Oviedo, 4 April 1997)³. The Convention was signed by over 40 states; it is based on the principles recorded in many international regulatory legal acts, in particular, in the Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly

² Helsinki Declaration of the World Medical Association. Available at: <http://www.sgm.ru/sci/ethical/files/hd.pdf> (accessed 01.02.2019).

³ Convention on Human Rights and Biomedicine of April 4, 1997. Available at: <http://conventions.coe.int/Treaty/fr/Treaties/html/164.htm> (accessed 01.02.2019).

¹ О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федер. закон от 4 дек. 2007 г. № 329-ФЗ // Российская газета. 2007. 8 дек.

кабря 1948 г.)¹, в Конвенции о защите прав человека и основных свобод ЕТС № 005 (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.)² и Европейской социальной хартии ЕТС № 163 (принята в г. Турине 18 октября 1961 г. и пересмотрена в г. Страсбурге 3 мая 1996 г.)³.

Участники перечисленных и многих других соглашений отмечают необходимость уважать человека как индивидуума и как представителя человеческого рода, а также признают важность обеспечения его достоинства; подчеркивают, что интересы и благо отдельного человека имеют приоритет над интересами общества или науки, а любое медицинское вмешательство, включая вмешательство с исследовательскими целями, должно осуществляться в соответствии с профессиональными требованиями, стандартами и лишь после того, как соответствующее лицо, получив достоверную информацию о цели и характере вмешательства, а также о его последствиях и рисках, даст на это свое добровольное письменное согласие. Конвенция о правах человека и биомедицине гарантирует каждому лицу право в любой момент беспрепятственно отозвать свое согласие.

Проведение медицинского вмешательства в отношении недееспособных и ограниченно дееспособных лиц может быть осуществлено только с разрешения их представителей или иных уполномоченных субъектов. Мнение несовершеннолетнего рассматривается как фактор, значение которого увеличивается в зависимости от возраста несовершеннолетнего и степени его зрелости [9].

Статья 21 Конституции Российской Федерации гарантирует своим гражданам защиту прав человека в области биомедицинских исследований: никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам. Таким образом, основной закон страны содержит императивный запрет, который определяет содержание

всех последующих нормативно-правовых актов, действующих в указанной сфере правоотношений. При этом следует признать, что перечень таких документов весьма узкий, а их содержание касается лишь отдельных аспектов медицинских исследований с участием людей, поэтому они не образуют целостную систему правового регулирования в сфере биомедицины.

Для иллюстрации данного вывода укажем следующие законы (в хронологическом порядке):

– закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»;

– закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»;

– Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»;

– Федеральный закон от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека»;

– Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»;

– Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (заменил ранее действовавшие Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, утвержденные Верховным Советом Российской Федерации 22 июля 1993 г. № 5487-1);

– Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 160-ФЗ «О международном медицинском кластере и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Вместе с тем в экономически развитых странах мира инновационные биомедицинские исследования занимают лидирующее положение, а полученные результаты, несмотря на высокую стоимость, активно используются на практике и находятся в сфере детального правового регулирования. В качестве примера можно привести наиболее важные правовые документы, к которым, в частности, относятся:

– Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека (принята на 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО по вопро-

on 10 December 1948)¹, Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms ETS No. 005 (signed in Rome on 4 November 1950²), and European Social Charter ETS No. 163 (adopted in Torino on 18 October 1961 and revised in Strasbourg on 3 May 1996)³.

The participants of the abovelisted and many other agreements highlight the necessity to respect a human as an individual and as a representative of the human race, and also to recognize the importance of promoting his dignity; they emphasize that the interests and benefits of an individual have priority over the social or scientific interests, and any medical intervention, including intervention for the purpose of research, should be conducted in accordance with the professional requirements and standards and only after the involved subject gives his voluntary consent in writing, having received reliable information about the purpose and character of intervention, as well as its consequences and risks. The Convention on Human Rights and Biomedicine guarantees any individual the right to unimpeded withdrawal of his consent at any moment.

Conducting intervention with regard to the disabled or impaired individuals is only possible upon permission of their representatives or other authorized persons. The opinion of a minor is viewed as a factor the importance of which increases depending on the age of the minor and his degree of maturity [9].

Article 21 of the Constitution of the Russian Federation guarantees to its citizens protection of human rights in the sphere of biomedical research: nobody can be subjected to medical, scientific or other trials without his voluntary consent. Thus, the fundamental law of the state contains mandatory prohibition that determines

the content of all the following regulatory legal acts operating in the abovestated sphere of legal relations. At the same time, it should be admitted that the list of such documents is fairly short, and their content only refers to separate aspects of medical research involving human subjects, therefore they do not form an integral system of legal regulation in the field of biomedicine.

In order to provide evidence for this conclusion, let us enumerate the following laws (in chronological order):

– Law of the Russian Federation of 2 July 1992 No. 3185-1 “On Psychiatric Care and Guarantees of the Rights of Citizens When Being Rendered It”;

– Law of the Russian Federation of 22 December 1992 No. 4180-1 “On Transplantation of Organs and (or) Tissues of a Person”;

– Federal Law of 5 July 1996 No. 86-FZ “On State Regulation in the Field of Genetic Engineering”;

– Federal Law of 20 May 2002 No. 54-FZ “On Temporary Prohibition on Human Cloning”;

– Federal Law of 3 December 2008 No. 242-FZ “On State Genomic Registration in the Russian Federation”;

– Federal Law of 21 November 2001 No. 323-FZ “On the Fundamentals of Health Protection for Citizens in the Russian Federation” (replaced the earlier applicable Basic Law on the Health Protection for Citizens of the Russian Federation No. 5487-1 passed by the Supreme Council of the Russian Federation on 22 July 1993);

– Federal Law of 29 June 2015 No. 160-FZ “On the International Medical Cluster and Amendments to Individual Legislative Acts of the Russian Federation”.

At the same time, in economically developed countries of the world innovative biomedical research occupies the leading position, and, in spite of their high costs, the obtained results are actively used in practice and lie in the field of detailed legal regulation. As an example, we can name the most significant legal documents, which include:

– The Universal Declaration on the Human Genome and Human Rights (adopted at the 29th session of the UNESCO’s General Conference on

¹ Всеобщая декларация прав человека от 10 дек. 1948 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 01.02.2019).

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 нояб. 1950 г. URL: <http://base.garant.ru/2540800/> (дата обращения: 01.02.2019).

³ Европейская социальная хартия от 18 окт. 1961 г. URL: <http://www.kadrovik.ru/docs/har18.10.61.htm> (дата обращения: 01.02.2019).

¹ Universal Declaration of Human Rights of December 10, 1948. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed 02.01.2019).

² Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950. Available at: <http://base.garant.ru/2540800/> (accessed 01.02.2019).

³ European Social Charter of October 18, 1961. Available at: <http://www.kadrovik.ru/docs/har18.10.61.htm> (accessed 01.02.2019).

сам образования, науки и культуры 11 ноября 1997 г.)¹;

– Международная декларация о генетических данных человека (принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 октября 2003 г.)²;

– Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека (принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 19 октября 2005 г.)³.

С точки зрения значимости международных нормативных правовых актов для граждан России следует отметить Модельный закон «О защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях в государствах – участниках СНГ» (принят на 26-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ, постановление от 18 ноября 2005 г. № 26-10)⁴, а также Рекомендации «Об этико-правовом регулировании и безопасности генетических медицинских технологий в государствах – участниках СНГ» (приняты на 29-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ, постановление № 29-12 от 31 октября 2007 г.)⁵.

С учетом изложенного есть весомые основания признать, что введению в гражданский оборот биомедицинских клеточных продуктов предшествовал длительный период анализа и оценки инновационных достижений в сфере биотехнологий. Также следует сказать, что указанный Федеральный закон имеет узко специализированную сферу действия и не распространяется на отношения, которые к настоя-

щему времени уже сложились и получили соответствующее правовое регулирование, например, разработка и производство лекарственных средств и медицинских изделий, донорство органов и тканей человека в целях их трансплантации (пересадки), донорство крови и ее компонентов, применение вспомогательных репродуктивных технологий, а также на отношения, возникающие при обращении клеток и тканей человека в научных и образовательных целях (абз. 2 п. 1 ст. 2 ФЗ от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ).

Важно обратить внимание, что, несмотря на такую социальную значимость, биомедицинские клеточные продукты, как отмечено выше, пока не выделены в качестве особого объекта интеллектуальной собственности, а охраняются на уровне изобретений в соответствии с критериями, установленными в статье 1350 ГК РФ, как вещество или способ (процесс осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств), в том числе к применению продукта или способа по определенному назначению.

На первый взгляд может сложиться мнение, что «ситуация под контролем» и ничего менять не нужно. Однако, учитывая достижения научно-технического прогресса, на основе которого создаются новые объекты, а также изменяются уже существующие, возникает необходимость модернизации законодательства, регулирующего права на указанные результаты интеллектуальной деятельности. Так, практика регистрации живых организмов посредством фиксации их формулы как объекта патентного права существует довольно давно и поэтому накоплен определенный опыт их применения в гражданском обороте, который свидетельствует о наличии существенных проблем, ждущих своего решения. В качестве примера можно сослаться на публикации известных в России специалистов, приглашающих к дискуссии об эффективности проведения экспертизы изобретений, относящихся к фармацевтическим композициям и возможности воспроизводства описанных в формуле антител. Авторы аргументируют необходимость искать и предлагать новые подходы к характеристике антител, принимая во внимание состояние и перспективы развития биотехнологии, и соответствующим образом

educational, scientific and cultural issues on 11 November 1997)¹;

– The International Declaration on Human Genetic Data (adopted by the resolution of the UNESCO’s General Conference on 16 October 2003)²;

– The Universal Declaration on Bioethics and Human Rights (adopted by the resolution of the UNESCO’s General Conference on 19 October 2005)³.

Taking into account the significance of international regulatory legal acts for the citizens of Russia, we should note Model Law “On the Protection of Human Rights and Dignity in Biomedical Research in the Member States of the CIS” (adopted at the 26th plenary session of the Interparliamentary Assembly of the Member States of the CIS, resolution No. 26-10 of 18 November 2005)⁴, as well as Recommendations “On Ethical and Legal Regulation and Safety of Genetic Medical Technologies in the Member States of the CIS” (adopted at the 29th plenary session of the Interparliamentary Assembly of the Member States of the CIS, resolution No. 29-12 of 31 October 2007)⁵.

Considering all the facts stated above, there are solid grounds to admit that the introduction of biomedical cell products into civil circulation was preceded by a prolonged period of analysis and evaluation of innovative advances in the field of biotechnology. It should also be said that the above-cited federal law has a narrow scope of jurisdiction and does not cover the relations that at present have already been formed and re-

ceived their respective legal regulation, for example, the development and production of pharmaceutical products and medical devices, donation of human organs and tissues for the purposes of their transplantation, donation of blood and its components, application of assisted reproductive technologies, and also the relations that arise in circulation of human cells and tissues for scientific and educational purposes (second paragraph of Clause 1 of Article 2 of the Federal Law of 23 June 2016 No. 180-FZ).

It is important to note that, despite their pronounced social significance, biomedical products, as was said above, have not yet been recognized as a separate intellectual property object, and are protected at the level of inventions in compliance with the criteria specified in Article 1350 of the Civil Code of the Russian Federation as a substance or method (process of affecting a material object using material means), which also includes the use of a product or method for a specified purpose.

At the first sight, one can arrive at a conclusion that the situation is well-managed, and there is no need for a change. However, taking into account the advances of scientific and technological progress that provide the basis for the creation of new objects and changing the existing ones, there is a need for modernizing the legislation that regulates rights on the above-mentioned intellectual activity outputs. For instance, the practice of registering living organisms by way of recording their formula as a patent law object has existed for quite a long time, therefore there is a considerable experience of their application in civil circulation that provides evidence for serious difficulties waiting to be resolved. As an example, we can cite the works of well-known Russian specialists that have opened the discussion concerning the efficiency of conducting expert examination of inventions referring to pharmaceutical compositions and reproduction feasibility of antibodies recorded in the formula. The authors put forward the necessity to search for and suggest new approaches to characterizing antibodies, with the view of the conditions and prospects of biotechnological development, which should be followed by the appropriate

¹ Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека от 11 нояб. 1997 г. URL: <http://www.unesco.ru/ru/?module=news&action=theme&id=116> (дата обращения: 01.02.2019).

² Международная декларация о генетических данных человека от 16 окт. 2003 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (дата обращения: 01.02.2019).

³ Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека от 19 окт. 2005 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (дата обращения: 01.02.2019).

⁴ Модельный закон «О защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях в государствах – участниках СНГ» от 18 нояб. 2005 г. URL: <http://base.garant.ru/70385696/> (дата обращения: 01.02.2019).

⁵ Рекомендации «Об этико-правовом регулировании и безопасности генетических медицинских технологий в государствах – участниках СНГ» от 31 окт. 2007 г. URL: <http://new.iacis.ru/activities/documents> (дата обращения: 01.02.2019).

¹ Universal Declaration on the Human Genome and Human Rights of November 11, 1997. Available at: <http://www.unesco.ru/ru/?module=news&action=theme&id=116> (accessed 01.02.2019).

² International Declaration on Human Genetic Data October 16, 2003. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (accessed 01.02.2019).

³ Universal Declaration on Bioethics and Human Rights of October 19, 2005. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (accessed 01.02.2019).

⁴ Model Law for the Protection of Human Rights and Dignity in Biomedical Research in the CIS Member States of November 18, 2005. Available at: <http://base.garant.ru/70385696/> (accessed 01.02.2019).

⁵ Recommendations on Ethical and Legal Regulation and Safety of Genetic Medical Technologies in the CIS Member States of October 31, 2007. Available at: <http://new.iacis.ru/activities/documents> (accessed 01.02.2019).

дополнять нормативные документы и комментарии к ним [4; 15].

С учетом изложенных выше фактов, с нашей точки зрения, биомедицинские клеточные продукты – это новые объекты гражданского оборота, которые нуждаются в самостоятельном правовом регулировании как элементы интеллектуальной собственности.

Следующим подтверждением актуальности вопроса о расширении перечня охраняемых объектов интеллектуальной собственности и способов защиты исключительных прав на них может служить Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 549-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». Этот документ направлен на обеспечение прав дизайнеров и модельеров, разрабатывающих оригинальные образцы одежды и обуви в единственном экземпляре (т. е. изделия не выпускаются серийно, на промышленном уровне), тем не менее права на них нуждаются в юридической охране. Однако, в отсутствие специальных норм, регулирующих правовой режим таких результатов творчества, они регистрируются как промышленные образцы.

Кстати сказать, число заявок на регистрацию именно промышленных образцов ежегодно увеличивается. Так, по данным Роспатента в 2017 г. на промышленные образцы было подано заявок на 18,7 % больше, чем в 2016 г. Число заявок, поступивших от иностранных заявителей, также увеличилось на 5 %¹. По нашему мнению, данная тенденция не случайна. Во-первых, она подтверждает активное использование промышленных образцов в гражданском обороте, во-вторых – свидетельствует о том, что понятие данного объекта позволяет регистрировать в качестве промышленного образца самые различные результаты творческой деятельности.

Этот вывод согласуется с диспозицией пункта 1 статьи 1352 ГК РФ, установленной Федеральным законом от 12 марта 2014 № 35-ФЗ, который исключил важный признак промышленного образца – «художественно-конструкторское решение изделия» и заменил его на решение внешнего вида изделия, предоста-

вив тем самым широкие возможности для регистрации практически любого объекта, отличающегося от имеющихся аналогов внешним видом, в качестве промышленного образца, независимо от факта его серийного производства. На эти факты обращают внимание и другие авторы. Так, О. А. Рузакова и С. Ю. Фабричный отмечают, что проблемы защиты прав модельеров характерны не только для России, но и для многих европейских стран. При этом они уточняют, что европейские дизайнеры имеют два способа защиты своих достижений: в виде промышленных образцов и охрану с помощью товарных знаков [24].

Признавая важность и значимость модернизации понятия промышленного образца, полагаем, что настало время разграничить признаки промышленного образца, разработанного для серийного производства и оригинального изделия, изготовленного в единственном экземпляре, которое не может быть признано промышленным из-за отсутствия его промышленного производства. Такое разграничение повысит эффективность охраны прав субъектов, работающих в сфере бизнеса и лиц, создающих эксклюзивные произведения.

Вместе с тем нельзя не упомянуть и о негативных последствиях регистрации в качестве объектов патентного права предметов и способов, традиционно используемых малочисленными народами России. К примеру, оригинальные дизайнерские решения, зарегистрированные как промышленные образцы или полезные модели, нередко подсказаны культурной традицией какого-либо народа. Так, бахилы были придуманы малочисленным коренным народом – селькупам и испокон веков используются ими как защитное приспособление, надеваемое на обувь, чтобы ноги не промокли и/или не запачкались во время охоты и рыбалки в болотистой местности. Тем не менее, в Российской Федерации бахилы регистрировали как полезные модели и на них выдали патенты № 26892, 47184, 56130, 82524, 71863, 94819, 154009, 160184, а также был выдан патент на изобретение № 2429969.

Еще пример: перфорационные очки (черные очки с отверстиями) для улучшения зрения были известны и активно использовались эскимосами как традиция. Однако права на такой

additions and amendments to the normative documents and the respective commentaries [4; 15].

Taking into consideration all the above-listed facts, it is possible to put forward an idea that biomedical cell products constitute new objects of civil circulation that require their own legal regulation as intellectual property constituents.

Further evidence for the topicality of the question of expanding the range of protected intellectual property objects and ways of protecting exclusive rights on them is provided by Federal Law of 27 December 2018 No. 549-FZ “On Amending Part Four of the Civil Code of the Russian Federation” (further referred to as Law No. 549-FZ). This document is aimed at the enforcement of rights of fashion and dress designers developing original patterns of clothes and shoes in a unique copy (i.e., the items are not put in serial or mass production, yet the rights to them require legal protection). However, in the absence of special norms regulating the legal status of such creative activity outputs, they are registered as industrial designs.

As a matter of fact, the number of applications for the registration of industrial designs as such is constantly growing. For instance, according to the statistics of the Russian Federal Service for Intellectual Property (Rospatent), the number of applications for the registration of industrial designs in 2017 exceeded that respective number in 2016 by 18.7%. The number of applications from foreign applicants also increased by 5%¹. In our opinion, this tendency is not a matter of chance. First, it gives evidence for the active use of industrial designs in civil circulation, and second, proves that the definition of this object allows a broad variety of creative activity outputs to be registered as an industrial design.

This conclusion goes in line with the provisions of Clause 1 of Article 1352 of the Civil Code of the Russian Federation introduced by Federal Law of 12 March 2014 No. 35-FZ. The article excluded an important sign of an industrial design – “artistic and design solution for an item”, and changed it for the outward appearance

solution for an item, thus giving vast opportunities for the registration as an industrial design of virtually any object that differs from the existing counterparts by its outward appearance regardless of the fact of its industrial production. This fact is highlighted in works of other authors as well. For instance, O. A. Ruzakova and S. I. Fabrichniy point out that the problems of protecting the rights of fashion designers are characteristic not only of Russia but of for many European countries. At the same time, they specify that European designers have two ways of protecting their results: protection as industrial designs and trademark protection. [24].

Admitting the importance and significance of modernizing the notion of an industrial design, we also consider it appropriate to differentiate the signs of an industrial design developed for serial production and an original design manufactured in a single copy that cannot be regarded as industrial due to the absence of its industrial production. Such differentiation would allow providing better protection for rights of entities working in the business sphere and individual artisans creating exclusive works.

At the same time, we should mention the negative consequences of the registration as patent law objects of items and processes traditionally used by indigenous small ethnic communities of Russia. Original design solutions registered as industrial designs or utility models can often originate from the cultural traditions of some ethnic community. For example, overshoes have been invented by the indigenous small community of the Selkups and have been used for centuries as a protective device for shoes worn in order to prevent shoes leaking or getting dirty while hunting and fishing in the swampland. However, in the Russian Federation overshoes were registered as utility models, and there were issued respective patents No. 26892, 47184, 56130, 82524, 71863, 94819, 154009, 160184, as well as patent on invention No. 2429969.

Let us also cite the example of pinhole glasses (black glasses with holes) for vision improvement. They have been known and used by the Eskimos as part of their tradition. However, the

¹ Отчет о деятельности Роспатента за 2017 г. URL: <https://rupto.ru/ru/activities> (дата обращения: 01.02.2019).

¹ Report on the activities of Rospatent in 2017. Available at: <https://rupto.ru/ru/activities> (accessed 01.02.2019).

объект зарегистрированы не представителями эскимосов.

Эти и многие другие факты регистрации и охраны в качестве объектов интеллектуальной собственности традиционно используемых малочисленными народами России приспособлений и секретов жизнедеятельности свидетельствуют о целесообразности диалога между представителями коренных народов, бизнеса, органов государственной власти и общественности по поиску сбалансированных решений в этой области [2].

Средства индивидуализации, получающие охрану в XXI веке

Вопрос об усилении эффективности охраны объектов промышленной собственности в Российской Федерации с «привязкой» к месту их производства возник одновременно с распадом СССР, когда бывшие союзные республики приобрели статус самостоятельных государств и потребовалась индивидуализация товаров, производимых на их территории. Именно эти обстоятельства явились одним из оснований заключения Договора стран СНГ от 23 декабря 1993 г. «О проведении согласованной антимонопольной политики», в котором договаривающиеся Стороны, подтверждая стремление воздерживаться от любых действий, наносящих экономический ущерб интересам Сторон, а также признавая необходимость соблюдения принципов суверенитета, равенства, отказа от дискриминации, устранения отрицательных для торговли и экономического развития факторов, которые могут возникнуть вследствие монополистической деятельности хозяйствующих субъектов, согласовали необходимость принятия Сторонами антимонопольных законодательных актов и проведения эффективной антимонопольной политики. При этом особое внимание было уделено вопросам раздельного действия межгосударственной юрисдикции и юрисдикции Сторон, координации совместных действий по предупреждению, ограничению и пресечению монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, созданию условий для развития конкуренции, эффективного функционирования товарных рынков и защиты прав потребителей.

Однако этого соглашения оказалось недостаточно, поэтому в последующие годы разраба-

тывались и принимались другие документы, в частности можно вспомнить Соглашение о сотрудничестве по пресечению правонарушений в области интеллектуальной собственности от 6 марта 1998 г., Договор о проведении согласованной антимонопольной политики (вместе с «Положением о взаимодействии государств по пресечению монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции», «Положением о межгосударственном совете по антимонопольной политике») от 25 января 2000г.; Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере регулирования рекламной деятельности (утв. постановлением Правительства РФ от 18 декабря 2003 г. № 756) и др.

Применительно к теме настоящего исследования следует отметить Соглашение «О мерах по предупреждению и пресечению использования ложных товарных знаков и географических указаний» от 4 июня 1999 г., в котором договаривающиеся Стороны, признавая важное значение совместных мер по осуществлению защиты прав потребителей и производителей от реализации товаров с использованием ложных товарных знаков и географических указаний, сформулировали определение географических указаний – обозначения, которые идентифицируют происхождение товара из территорий Сторон или их регионов, или местностей, где качество, репутация либо другие характеристики товара в значительной степени соотносятся с его географическим происхождением. В этом же документе представлена дефиниция ложного товарного знака, под которым понимается товарный знак, используемый третьим лицом в нарушение прав владельца товарного знака, или знак, содержащий ложные указания происхождения товара, а также данные или такой элемент, который может ввести потребителей в заблуждение.

Установив базовые понятия, Стороны приняли на себя обязательства сотрудничать в выявлении и пресечении фактов использования ложных товарных знаков и географических указаний, а также принимать меры предупреждения проникновения через свои таможенные границы на территории других Сторон товаров с ложными товарными знаками и географическими указаниями.

rights to this object have been registered not by the Eskimos representatives.

This and many other similar facts of registration and protection as intellectual property objects of devices and lifestyle techniques traditionally used by the indigenous minorities of Russia provide evidence in favor of opening the dialog between the representatives of indigenous communities, business, government authorities and the general public in order to find balanced solutions in this field [2].

Means of Individualization Acquiring Protection in the 21st Century

The question of increasing the efficiency of industrial properties protection in the Russian Federation with reference to the place of their production arose with the collapse of the USSR, when ex-Soviet republics obtained the status of independent states, and it came to the individualization of goods manufactured on their territory. It was because of those circumstances that the Agreement of the CIS members “On Conducting Coordinated Antimonopoly Policy” was concluded on 23 December 1993. The parties to this document agreed about the necessity to adopt antimonopoly legislative acts and conduct efficient antimonopoly policy. They confirmed the intention to refrain from any actions causing economic damage to the interests of the parties, and also recognized the need to adhere to the principles of sovereignty, equality, nondiscrimination and to eliminate the factors that could emerge due to the monopolistic activity of economic entities and negatively influence trade relations and economic development. A particular attention was paid to the questions of separate action of interstate jurisdiction and jurisdiction of the parties, coordination of joint action aimed at prevention, restriction and repression of monopolistic activity and unfair competition, creating conditions for the promotion of competition, efficient operation of commodity markets and consumer rights protection.

This Agreement proved to be insufficient, so in the years that followed some other docu-

ments were developed and signed. Among them were Agreement on Cooperation for the Repression of Violations in the Field of Intellectual Property of 6 March 1998; Agreement on Conducting Coordinated Antimonopoly Policy (together with the Regulation on Interaction of States for the Repression of Monopolistic Activity and Unfair Competition, and Regulation on Interstate Council for Antimonopoly Policy) of 25 January 2000; Agreement on Cooperation of the CIS States in the Field of Advertising Activity Regulation (adopted by Resolution of the Government of the Russian Federation of 18 December 2003 No. 756), etc.

As far as the subject of this research is concerned, we should note the Agreement “On Measures for the Prevention and Repression of the Use of False Trademarks and Geographical Indications” of 04 June 1999. Recognizing the great importance of joint measures to ensure protection for the rights of consumers and producers against marketing of goods bearing false trademarks and geographical indications, the Contracting Parties formulated the definition of geographical indications – indications serving to identify a product as originating from a territory, region or locality of one of the Parties, where the quality, reputation or other characteristics of a product are determined to a large extent by its geographical origin. This document also provides a definition of false trademark, which is stated to be any trademark used by a third party in violation of the rights of the owner of a trademark or comprising a false indication of the origin of goods or any other information or element liable to mislead the consumer.

Having defined the basic notions, the Parties undertook the commitments to cooperate in establishment and repression of facts associated with the use of false trademark and geographical indications and to prevent the entry of products bearing false trademarks or geographical indications across their customs frontiers into the territory of other Parties.

Кроме этих общих мер, в отношении географических указаний участники соглашения обязались воспрепятствовать использованию:

а) каких-либо средств при обозначении товара или его презентации, которые указывают (или вызывают ассоциацию) на иное, чем истинное, место происхождения товара и таким образом вводят в заблуждение потребителей в отношении географического происхождения товара;

б) каких-либо действий, которые могут рассматриваться как недобросовестная конкуренция в пределах статьи 10-бис Парижской конвенции по охране промышленной собственности.

Эти нормы заслуживают уважения и поддержки, однако их практическая реализация осложнилась трудностями регистрации наименования места происхождения товара и отсутствием возможности использовать права, связанные с географическим указанием места производства товара. Особенно ярко эти проблемы проявились на рынке алкогольной продукции. Так, Федеральным законом от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» были установлены довольно жесткие требования к производству и обороту этилового спирта и алкогольной продукции, направленные на пресечение использования ложных товарных знаков и географических указаний. Тем не менее правоприменительная практика свидетельствовала, что имеющиеся нормы не способны преодолеть проблемы добросовестного применения средств индивидуализации товара, особенно к винодельческой продукции, качество которой в большей степени определяется местом выращивания винограда. Поэтому наименование места происхождения товара (НМПТ), а именно винодельческой продукции, имеет значение не только с точки зрения охраны исключительных прав на средства индивидуализации товара, но и обладает огромным экономическим потенциалом, определяющим уровень спроса на рынке. К примеру, активное использование НМПТ предоставляет широкой общественности информацию не только об изготовителе и высоком качестве товара, но также о наличии в

нем особых свойств, определяемых местом его изготовления. Что, несомненно, повышает известность региона, стимулирует вложение инвестиций в его развитие, способствует сохранению сельских поселений, увеличению рабочих мест, развитию туризма.

Однако правоприменение НМПТ выявило ряд проблем в регулировании указанных отношений, которые не позволяют в полной мере использовать заложенный в этом объекте интеллектуальной собственности потенциал. Так, в ряде случаев невыполнимо требование к заявителю быть непосредственно производителем товара. Так, объединения лиц, включающие производителей сырья, производителей конечного продукта (товара, в отношении которого зарегистрировано НМПТ), а также лиц, обеспечивающих хранение, перевозку и распространение товара, маркированного НМПТ, не могут выступать заявителями при государственной регистрации НМПТ, несмотря на то, что особые свойства товара зависят от деятельности всех вышеуказанных лиц, входящих в ассоциацию.

Кроме того, в соответствии с частью 5 статьи 1522 ГК РФ, к заявке должно быть приложено заключение уполномоченного Правительством Российской Федерации федерального органа исполнительной власти (уполномоченный орган) о том, что в границах данного географического объекта заявитель производит товар, особые свойства которого исключительно или главным образом определяются характерными для этого географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами (п. 1 ст. 1516 ГК РФ). На сегодняшний день такими уполномоченными органами являются: для сельскохозяйственных товаров – Минсельхоз России; для минеральных вод – Минздрав России; Минпромторг России дает заключение на изделия народных художественных промыслов; к компетенции Росалкогольрегулирования отнесена алкогольная продукция. Вместе с тем существует достаточное количество других товаров, которые пока не «прикреплены к уполномоченным органам», например природные драгоценные камни. Также не решенным остается вопрос, возможна ли регистрация НМПТ, если производство товара включает несколько удаленных по времени циклов, например разлив, упаковку, «созрева-

Besides these common measures, with regard to geographical indications the Parties to the Agreement assumed obligations to prohibit the following:

a) the use in the designation or presentation of goods of any element that identifies (or suggests an association with) a place of origin other than the true place of origin of the goods and which is liable to mislead consumers as to the geographical origin of the goods;

b) any act that may be held an act of unfair competition within the meaning of Article 10bis of the Paris Convention for the Protection of Industrial Property. These norms deserve respect and support; however, their practical realization was complicated by difficulties pertaining to appellation of origin of goods and impossibility to use the rights connected with geographical indication concerning the place of origin of goods. These problems are especially clearly marked at the alcoholic beverage market. For example, Federal Law of 22 November 1995 No. 171-FZ “On State Regulation of Production and Distribution of Ethyl Alcohol, Alcoholic Products and Alcohol-Containing Products and Restriction on Consumption (Drinking) of Alcohol Production” provides strict requirements for the production and distribution of ethyl alcohol and alcoholic production aimed at the repression of the use of false trademarks and geographical indications. Nevertheless, law enforcement practice has shown that the existing norms are not capable of resolving the problems with fair use of the means of individualization of goods, especially concerning wine production, the quality of which is to a large degree determined by the place of grape growing. That is why Appellation of Origin of Goods (AOG), namely of wine products, not only has significance in terms of protecting exclusive rights on the means of individualization of goods, but also possesses enormous economic potential that determines the demand level at the market. For example, actively used AOG gives the general public information not only about the manufacturer and high quality of goods but also about the presence of special properties

conditioned by the place of its manufacture. Apparently, it contributes to the region's publicity, stimulates investment in its development, helps to maintain rural settlements, generate jobs and develop tourism.

Yet the experience of AOG application identified a range of problems in regulation of the above-stated relations, which does not allow the potential of this intellectual property object to be used in full. In a number of cases the requirement that an applicant should be the immediate manufacturer of goods cannot be fulfilled. For example, an association of entities including primary producers, producers of the resulting product (the one with regard to which the AOG was registered) and entities responsible for storage, transportation and distribution of the marked product cannot act as applicants for state registration of AOG in spite of the fact that special properties of goods depend on the activities of all the above-listed entities constituting the association.

Besides that, in compliance with Clause 5 of Article 1522 of the Civil Code of the Russian Federation, an application should be supported by the ruling of a federal executive body authorized by the government of the Russian Federation (authorized body) stating that within the borders of the given geographical object the applicant produces a product the special properties of which are exclusively or mainly determined by natural conditions and (or) human factors characteristic of this geographical object (Clause 1 of Article 1516 of the Civil Code of the Russian Federation). Today such authorized bodies are Ministry of Agriculture of the Russian Federation – for agricultural goods, Ministry of Health of the Russian Federation – for mineral waters, Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation – for craftwork items, and Federal Service for Alcohol Market Regulation – for alcoholic production. At the same time, there is a large number of other goods that are not ascribed to the authorized bodies, such as natural precious stones. There also remains a question of the possibility of AOG if production includes several cycles, such as bottling, packaging, maturation of

ние» (сыр) товара в течение продолжительного периода времени, поскольку не все циклы производства могут быть совершены в этой местности? Несомненно, с точки зрения разумности и целесообразности, данные субъекты наряду с производителями конечного продукта, должны иметь право на использование в своей деятельности НМПТ.

Это лишь несколько причин, приведшие к тому, что на сегодняшний день в Российской Федерации действуют менее 200 зарегистрированных НМПТ, из которых 135 – российские. Если эту цифру сравнить с реестром наименований винодельческой продукции, продаваемой на рынке, то можно сделать весьма неутешительный вывод: НМПТ снабжены менее 10 % указанных товаров. Несомненные убытки несут не только производители, переработчики, поставщики, но и государство.

В целях решения данных проблем с 2015 года в Российской Федерации регламентировано производство винодельческой продукции высокого качества с привязкой к месту выращивания винограда под обозначениями винодельческая продукция с защищенным географическим указанием (винодельческая продукция ЗГУ) и винодельческая продукция с защищенным наименованием места происхождения (винодельческая продукция ЗНМП). Казалось бы, выход найден и проблемы будут преодолены.

Тем не менее опыт регионов свидетельствует об обратном: ЗГУ и ЗНМП оказались невостребованными, так как им присуща некоторая степень смешения и отсюда возникают сложности с их употреблением, а НМПТ охватывают лишь единицы товаров, производимых в конкретном регионе. Поэтому у населения существуют свои ассоциации с местом происхождения товара (например, вологодское масло, вологодское кружево, ивановский ситец, гусь-хрустальная посуда и т.д.). Как справедливо отмечают О. А. Рузакова и С. Ю. Фабричный, «в России нет такого региона, которому нечем было бы “похвастаться”, однако отсутствие эффективной охраны наименований, связанных с происхождением товаров, не способствует развитию имиджа регионов» [25; 29].

По-иному складывается ситуация в Европейском союзе, там охраняются более 3000 географических указаний и наименований мест происхождения товаров. И это не случайно.

Дело в том, что наличие на товарах сведений, указывающих на их географическое происхождение, которые обладают определенным качеством и репутацией, но которые не могут быть зарегистрированы в качестве НМПТ в связи с жесткими требованиями к этому объекту, также эффективно с точки зрения продвижения товара на рынке. Поэтому для таких обозначений международное торговое сообщество активно использует географическое указание (ГУ) [6].

Кстати сказать, обязательства по охране ГУ возникли у Российской Федерации еще в 2012 году в связи со вступлением в ВТО, поскольку Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) не только формулирует определение ГУ, но и обязывает страны-члены ВТО вводить в национальные правовые системы данный объект. Наконец, Договор о Евразийском экономическом союзе также относит ГУ к объектам интеллектуальной собственности и содержит определение ГУ, основанное на положениях ТРИПС.

Указанные обстоятельства побудили отечественного законодателя к разработке и введению в действие нового охраняемого объекта средств индивидуализации – географическое указание¹.

Здесь уместно отметить, что введение ГУ в перечень охраняемых средств индивидуализации не следует рассматривать как основание для исключения НМПТ из охраняемых объектов интеллектуальных прав, поскольку данный объект, как справедливо отмечают разработчики анализируемого законопроекта в Пояснительной записке, является востребованным для производителей традиционных товаров, в том числе народных художественных промыслов. Кроме того, введение охраны ГУ наряду с охраной НМПТ соответствует современным мировым тенденциям. В частности, потребность в охране двух видов объектов интеллектуальной собственности, ГУ и НМПТ, уже давно предусмотрена многими международными документами, включая Парижскую конвенцию по охране промышленной собственности (1883 г.), Же-

¹ Проект Федерального закона № 509994-7 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=173604#044796584778915416> (дата обращения: 01.02.2019).

the product (cheese), with considerable time intervals between the cycles because not all of them can be completed in this region. Obviously, from the point of view of logic and practicability, these entities, as well as the manufacturers of the resulting product, should have the right to use AOG in their activity.

These are just some of the reasons that have led to the situation that today there are fewer than 200 registered AOGs in the Russian Federation, of which 135 are Russian. If we compare these figures with the register for names of alcoholic production sold at the market, we can make a discouraging conclusion: less than 10% of the registered products have AOGs. Not only producers, processors, and suppliers but also the state suffers evident losses.

In order to solve these problems, from 2015 high quality wine in the Russian Federation has to be produced with reference to the place of grape growing under the designation of wine production with protected geographical indication (PGI wine production) and wine production with protected designation of origin (PDO wine production). It seemed to be a good solution to overcome the difficulties.

However, the regional practice bears evidence to the contrary: PGI and PDO were not in demand, as there is a certain degree of confusion inherently present in them and leading to difficulties with their use, and AOG covers only a small number of goods manufactured in a particular region. That is why the population has its own associations with the place of origin of goods (for example, Vologda butter, Vologda lace, Ivanovo cotton print, Guskhrustalny glassware, etc.). As O. A. Ruzakova and S. I. Fabrichniy aptly note, “There is no region in Russia that has nothing to boast of, but the absence of efficient protection for the trademarks connected with the origin of goods does not contribute to promoting the image of the regions” [25; 29].

The situation in the EU is quite different, there are over 3000 protected geographical indications and designations of origin of goods. And that is not a matter of chance. The fact of goods

bearing data that are indicative of their geographical origin as to their particular quality and reputation but that cannot be registered as AOG due to strict requirements to the object is also efficient in terms of market promotion of goods. Therefore, the international trade community is actively using geographical indication (GI) for such designations.[6]

It should be mentioned that the Russian Federation undertook liabilities for the protection of GI as far back as in 2012. It happened in connection with joining the World Trade Organization, as the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS) not only formulates the definition of GI but obliges the WTO member states to introduce this object in their national legal systems. At last, the Treaty on the Eurasian Economic Union also refers GI to intellectual property objects and contains the definition of GI based on the TRIPS provisions.

These circumstances obliged the national legislatures to develop and put in operation the new protected object of means of individualization – geographical indication¹.

It is also necessary to point out that introduction of GI to the list of protected means of individualization should not be considered the grounds for excluding AOG from the protected intellectual rights objects, because, as the developers of the analyzed draft law justly stressed in the Explanatory Memorandum, this object is demanded by manufacturers of traditional goods, including national artistic craftworks. Moreover, the introduction of GI along with the protection of AOG goes in line with the contemporary world tendencies. The need for the protection of the two kinds of intellectual property objects, GI and AOG, in particular, has been long provided by many international documents, including the Paris Convention for the Protection of Industrial Property (1883)

¹ Draft Federal Law No. 509994-7 “On Amendments to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation”. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=173604#044796584778915416> (accessed 01.02.2019).

невский акт Лиссабонского соглашения о наименованиях мест происхождения и географических указаниях (1958 г.)¹.

Анализируемый законопроект предусматривает модернизацию параграфа 3 главы 76 ГК РФ посредством включения норм, относящихся к ГУ. В частности, предлагается дополненная редакция статьи 1516 ГК «Географическое указание и наименование места происхождения товара», устанавливающая, что под охраняемым географическим указанием следует понимать обозначение, которое позволяет идентифицировать товар как происходящий с территории географического объекта, при этом определенное качество, репутация или другие характеристики товара в значительной степени определяются его географическим происхождением. На территории данного географического объекта должна осуществляться хотя бы одна из стадий производства товара, влияющая на формирование его качества, репутации или иных характеристик. На наш взгляд, эта дефиниция максимально приближена к определениям, содержащимся в международных документах, что позволит унифицировать понятие ГУ и упростить порядок его регистрации.

Претерпела изменения и редакция нормы, содержащая основные критерии НМПТ, а именно: «Наименованием места происхождения товара, которому предоставляется правовая охрана, является обозначение, представляющее собой современное или историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращенное наименование страны, городского или сельского поселения, местности или другого географического объекта, включающее такое наименование или производное от такого наименования и ставшее известным в результате его использования в отношении товара, особые свойства которого исключительно или главным образом определяются характерными для определенного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами. На территории данного географического объекта должны осуществляться все стадии производства товара, влияющие на формирование его

особых свойств». Как видим, разработчики законопроекта стремились так сформулировать норму, чтобы снять проблему субъектного состава заявителей НМПТ. Если такая редакция будет принята, то заявку могут подавать и лица, осуществляющие розлив природной продукции в другом регионе.

С нашей точки зрения, следует расценивать как прогрессивный шаг и положение о том, что особые требования к стадиям производства, качеству, репутации, известности, особым свойствам или другим характеристикам товара, для обозначения которого используется географическое указание или наименование места происхождения товара, могут устанавливаться федеральными законами, иными нормативными правовыми актами, в том числе нормативными правовыми актами органов государственной власти субъектов Российской Федерации, на территории которых находятся указанные географические объекты. Далее законопроект предусматривает создание регистрационной системы предоставления правовой охраны ГУ, которая обеспечит такой же объем и режим правовой охраны, как и для НМПТ. При этом отдельные особенности, присущие НМПТ, будут отражены непосредственно в статьях ГК РФ. Присоединяемся к мнению О. А. Рузаковой и С. Ю. Фабричного и надеемся, что введение ГУ в перечень охраняемых объектов интеллектуальной собственности позволит ответить на такие вызовы общества, как:

- защита права потребителя на информацию о происхождении товара, которым обусловлены его определенные качества или свойства;
- недопустимость регистрации обозначения, вводящего общественность в заблуждение относительно географического происхождения товара;
- обеспечение исключительного права региональных производителей оригинальных товаров;
- повышение привлекательности российских регионов, их товаров как в пределах Российской Федерации, так и за рубежом [25].

Отдельного внимания заслуживают проблемы создания и использования коммерческих обозначений, которые, согласно ст. 1225 ГК РФ, являются охраняемым средством индивидуализации с правовым режимом, установлен-

¹ Женевский акт Лиссабонского соглашения о наименованиях мест происхождения и географических указаниях от 20 мая 2015 г. URL: <https://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=3983&plang=RU> (дата обращения: 01.02.2019).

and Geneva Act of the Lisbon Agreement on Appellation of Origin and Geographical Indications (1958)¹.

The draft law under study includes modernization of paragraph 3 of Chapter 76 of the Civil Code of the Russian Federation by way of introducing the norms referring to GIs. More particularly, there is proposed a complemented version of Article 1516 of the Civil Code, “Geographical Indication and Appellation of Place of Origin of Goods”, stating that protected geographical indication should be defined as designation that attributes goods as originating from the territory of a geographical object, with the special qualities, reputation and characteristics of the product essentially determined by its geographical origin. At least one stage of product production that influences its special qualities, reputation or other characteristics should take place within the specified geographical area. In our opinion, this definition has maximum proximity to the definitions provided by the international documents, which could potentially lead to the unified notion of GI and ease the procedure for its registration.

Amendments were also introduced in the edition of the norm containing the main criteria of AOG: “Protected appellation of origin of goods is defined as designation that constitutes a modern or historical, official or unofficial, full or abbreviated designation of a country, city or a rural settlement, area or other geographical locale, as well as a name derived from such designation, that has become known due to its use with regard to the good, whose special characteristics are exclusively or mainly determined by the natural conditions and (or) human factors that are characteristic of that geographical locale. All stages of production that influence the special qualities of a product should take place within the specified geographical area”. As we

can see, the draft law developers aimed to formulate the norm so as to be able to eliminate the problem with lack of legal capacity of AOG applicants. If this edition is adopted, entities that bottle a natural product in a different region will also be able to submit an application.

We should also regard as positive the provision on special requirements to the production stages, quality, reputation, renown, special qualities or other characteristics of the product for designation of which geographical indication or appellation of place of origin of goods is used can be established by federal laws, and other regulatory legal acts, including regulatory legal acts of government bodies of the constituent entities of the Russian Federation in the territory of which the indicated geographical objects are situated. Further, the draft law envisages the establishment of a registration system for providing legal protection for GIs, which will guarantee them the same scope and status of legal protection as in case of AOG. Separate features characteristic of AOG are supposed to be directly reflected in the articles of Civil Code of the Russian Federation. We associate ourselves with the opinion of O. A. Ruzakova and S. I. Fabrichniy and hope that introduction of GIs into the range of protected intellectual property objects will allow us to face such social challenges as the following:

- consumer rights protection concerning the information about the origin of a product that determines its special qualities or characteristics;
- inadmissibility of registration of the designation that misleads the public regarding the geographical origin of a product;
- ensuring the exclusive right of the regional producers of original goods;
- promoting the image of the Russian regions and their goods both nationally and internationally [25].

Special attention should be paid to the problems of creating and using commercial names, which, according to Article 1225 of the Russian Civil Code, constitute protected means of individualization, whose legal status is stated by

¹ Geneva Act of the Lisbon Agreement on Appellations of Origin and Geographical Indications of May 20, 2015. Available at: <https://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=3983&plang=RU> (accessed 01.02.2019).

ным статьями 1538–1541 ГК РФ. В соответствии со статьей 1538 ГК РФ, коммерческое обозначение применяются для индивидуализации торговых, промышленных и других предприятий, принадлежащих как коммерческим, так и некоммерческим организациям, а также индивидуальным предпринимателям. При этом законодатель указывает, что данные средства индивидуализации не являются фирменными наименованиями и не подлежат обязательному включению в учредительные документы и единый государственный реестр юридических лиц, т. е. не регистрируются. Интересно отметить, что коммерческое обозначение может использоваться правообладателем одновременно для индивидуализации одного или нескольких предприятий. Уместно заметить, что данной возможностью субъекты предпринимательской деятельности активно пользуются, приобретая популярность для своих торговых точек. В качестве примера можно вспомнить сеть магазинов «Подружка», «Магнит», «Магнолия» и т. д. Вместе с тем следует уточнить, что для индивидуализации одного предприятия не могут одновременно использоваться два и более коммерческих обозначения.

На основании статьи 1539 ГК РФ, которая детально регламентирует исключительное право на анализируемый объект индивидуализации, правообладателю принадлежит исключительное право использования коммерческого обозначения в качестве средства индивидуализации принадлежащего ему предприятия любым не противоречащим закону, в том числе путем указания коммерческого обозначения на вывесках, бланках, в счетах и на иной документации, в объявлениях и рекламе, на товарах или их упаковках, в сети Интернет, если такое обозначение обладает достаточными различительными признаками и его употребление правообладателем для индивидуализации своего предприятия является известным в пределах определенной территории. Далее установлены пределы осуществления исключительного права на коммерческое обозначение, поэтому может сложиться мнение, что данный интеллектуальной собственности не нуждается в уточнении и дополнении. Однако практика его использования свидетельствует о наличии проблем, которые уже анализируются учеными и практиками. Так, Н. Ю. Сергеева признает его факультативным

средством индивидуализации, обращает внимание, что оно не является обязательным для юридических лиц или индивидуальных предпринимателей и делает вывод, что исключительное право на коммерческое обозначение является ограниченным. Вместе с тем Н. Ю. Сергеева указывает, что законодатель не раскрывает содержание существенных признаков (различительность, локальная известность) данного понятия, отсутствует их толкование и на подзаконном уровне [21]. Поэтому известные специалисты в области интеллектуальной собственности вынуждены восполнять этот пробел. В частности, автор упоминает публикации Э. П. Гаврилова и В. И. Еременко, А. П. Сергеева и Т. А. Терещенко, И. А. Близначева и В. В. Орловой, которые, формулируя доктринальные определения коммерческого обозначения, отмечают актуальность модернизации правового режима этого объекта интеллектуальной собственности в части, касающейся его государственной регистрации, поскольку ее отсутствие обусловило проблемы поиска коммерческих обозначений, которые уже существуют на определенной территории, во избежание столкновения исключительных прав [3, с. 938; 11, с. 845].

Мы разделяем мнение Н. Ю. Сергеевой о том, что существующие в настоящее время негосударственные реестры коммерческих обозначений предприятий и предпринимателей, создаваемые по принципу территориальности, не предоставляют и не могут предоставить заинтересованным лицам необходимой гарантии защиты их прав. Но справедливости ради надо признать, что они способствуют мирному сосуществованию правообладателей средств индивидуализации на конкретной территории. Вместе с тем нельзя не отметить, что такая регистрация, равно как и получение каких-либо свидетельств на зарегистрированные упомянутым образом коммерческие обозначения, не имеют правоустанавливающего значения, поскольку сам факт такой регистрации не влечет за собой возникновение исключительного права на объект [21, с. 46].

Наиболее оптимальным решением проблемы коммерческих обозначений, с нашей точки зрения, является признание их субсидиарными названиями юридических лиц, которые, учитывая их растущую популярность в гражданском

Articles 1538–1541 of the Russian Civil Code. In compliance with Article 1538 of the Russian Civil Code, a commercial name is used for individualization of trade, industrial and other enterprises owned by both for-profit and non-profit organizations as well as sole traders. At the same time, legislation points out that the given means of individualizations are not company names and are not liable for inclusion in the constituent documents and the Uniform state register of legal entities, i.e., they are not registered. It is noteworthy that a commercial name can be used by the rightholder for individualization of one or several enterprises at the same time. It is pertinent to note that entrepreneurs actively use this opportunity to gain publicity for their retail outlets. An example of such retail chains as “Podruchka”, “Magnit”, “Magnolia”, etc. can be cited. At the same time, it is necessary to clarify that it is not possible to use two and more commercial names for individualization of one enterprise.

On the basis of Article 1539 of the Russian Civil Code, which regulates in detail the exclusive right to the object of individualization under consideration, the rightholder owns exclusive right to use a commercial name as means of individualization of an enterprise belonging to him in any manner not contrary to the law including, by placing the commercial name on signs, letterheads, bills and other documentation, in announcements and in advertising, on goods and their packaging, and on the Internet, if such a name possesses sufficient distinguishing features and its use by the rightholder for individualization of his enterprise is known within a specific territory. Further, the limits for the execution of the exclusive right to a commercial name are stated, so it may seem that the given intellectual property object does not require specification and complement. However, the practice of its use gives evidence of a number of problems that are already being studied by theoretical scientists and practitioners. For instance, N. I. Sergeieva recognizes a commercial name as an

optional means of individualization, paying attention to the fact that it is not obligatory for legal entities or sole traders, and makes a conclusion that exclusive right to a commercial name is limited. At the same time, she points out that legislation does not reveal details of essential features of this notion such as distinctiveness or local renown; nor is their interpretation provided at the level of non-legislative acts [21]. Therefore, prominent specialists in the field of intellectual property should bridge this gap. In particular, the author makes reference to the publications of E. P. Gavrilov and V. I. Ieremenko, A. P. Sergeiev and T. A. Tereshchenko, I. A. Bliznets and V. V. Orlova, who in formulating the doctrinal definitions of a commercial name emphasize the necessity to modernize this intellectual property object in the part regarding its state registration because its absence caused the difficulties of searching for the commercial names already existing within a certain area in order to prevent the conflict of exclusive rights [3, p. 938; 11, p. 845].

We share the opinion put forward by N. I. Sergeieva that nonstate registers of commercial names of enterprises and entrepreneurs existing today and created according to the local principle do not and cannot ensure the protection of rights of all the parties concerned. For the sake of justice, it should be acknowledged that they contribute to the peaceful co-existence of the holders of rights to means of individualization on a particular territory. At the same time, it should be noted that such registration, as well as receiving any certificates for registered in the above-stated manner commercial names, does not have the status of constituent documents because the fact of such registration alone does not imply the establishment of exclusive right to an object [21, p. 46].

From our point of view, the optimum solution for the problem of commercial names would be their recognition as subsidiary names of legal entities that, taking into account their growing popu-

обороте как средство индивидуализации субъектов, необходимо указывать в уставе и регистрировать в специально созданном государственном реестре коммерческих обозначений Российской Федерации.

Заключение

Завершая исследование объектов интеллектуальной собственности, получающих охрану в XXI веке, есть основания сделать вывод, что процесс расширения перечня охраняемых результатов творческой, в том числе научно-исследовательской деятельности, находится в стадии активного развития. Причин к тому, как показано выше, много. Однако следует иметь в виду, что право интеллектуальной собственности не может и не должно изменяться с созданием каждого нового вида объектов. Иначе – это постоянный «бег за уходящим поездом». Сегодняшний вызов общества цивилистической науке и законодателю – сформулировать нормы, обладающие универсальностью и позволяющие уже на стадии экспериментов охранять права авторов и разработчиков технических решений.

Учитывая транснациональный характер многих инновационных технологий, можно говорить о повышении роли и значимости международных договоров, закрепляющих принципы получения правовой охраны различных объектов интеллектуальной собственности и общие стандарты регистрации результатов в сфере патентования.

Мы признаем, что достигнутый уровень цифровизации общества и биотехнологий требуют принципиальной модернизации действующей правовой системы, позволяющей оперативно и эффективно пресекать нарушения интеллектуальных прав в указанных сегментах рынка. Пока эти вопросы не решены. Тем не менее, как показывает многолетний опыт правоприменения, концептуальная проработанность имеющихся проблем позволяет выработать оптимальные юридические механизмы регулирования отношений по поводу создания и использования достаточно широкого круга объектов интеллектуальной собственности. Именно этими факторами, с нашей точки зрения, определяется актуальность настоящего исследования.

Библиографический список

1. Бернгейт Ф., Колер Й. Гражданское право. СПб., 1909. 407 с.
2. Бузова Н. В. Сокровища Севера и интеллектуальная собственность: дискуссии и проблемные вопросы // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2018. № 6. С. 2–7.
3. Гаврилов Э. П., Еременко В. И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М.: Экзамен, 2009. 978 с.
4. Гаврилова Е. Б., Бабакова Т. С. Характеристика антитела как технического решения // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2018. № 9. С. 22–29.
5. Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 302 с.
6. Еременко В. И. Наименования мест происхождения и географические указания: международно-правовой аспект // Законодательство и экономика. 2016. № 7. С. 58–70.
7. Еременко В. И. Фирменные наименования и коммерческие обозначения: мифы и реальность // Законодательство и экономика. 2015. № 11. С. 7–15.
8. Зайцев Ю. В. Право на освещение спортивных мероприятий в Российской Федерации // Спорт: экономика, право, управление. 2010. № 4. С. 17–18.
9. Интеллектуальная собственность в современном мире / под ред. И. А. Близнаца. М.: Проспект, 2016. 896 с.
10. Канторович Я. А. Литературная собственность. СПб., 1895. 157 с.
11. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвертая / под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2016. 913 с.
12. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Е. А. Павлова. М.: ИЦЧП им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. 928 с.
13. Кравченко А. А. Правовой режим интернет-сайта как комплексного объекта права интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 214 с.
14. Кузнецова А. М. Гражданско-правовая охрана результатов творческой деятельности в сфере спорта в России и зарубежных странах:

larity in civil circulation as means of individualization, should be specified in the statute and entered in the specially established state register of commercial names of the Russian Federation.

Conclusion

Summarizing the study of intellectual property objects that are granted protection in the 21st century, we can arrive at a well-grounded conclusion that the process of expanding the range of protected objects of creative and also scientific and research activity is at the stage of active development. As was shown above, the reasons are numerous. However, we should bear in mind that intellectual property law cannot and should not undergo changes with the emergence of every new kind of objects. Otherwise it would be similar to catching up with a moving train. The challenge of contemporary society posed to civil science and the legislature is to formulate universal regulations that would make it possible to protect the rights of authors and developers of technological solutions as early as at the stage of experiments.

Taking into account the multinational character of many innovative technologies, we have grounds to speak about the increasing importance of international agreements that formalize the principles of legal protection for different intellectual property objects and general standards for registration of results in the sphere of patenting.

We admit that the level of digitalization and biotechnologies achieved by the modern society requires fundamental modernization of the functioning legal system that would be aimed at timely and efficient repression of intellectual right breaches in the stated market segments. These issues have not been resolved yet. Nevertheless, as is shown by the long-standing experience of law enforcement, resolution of the existing problems at the conceptual level allows for the development of optimal legal mechanisms for regulating the relations pertaining to the creation and use of a relatively extensive range of intellectual property objects. In our opinion, it is due to these factors that the present study should be found relevant.

References

1. Bernhuft F., Kohler J. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. St. Petersburg, 1909. 407 p. (In Russ.).
2. Buzova N. V. *Sokrovishcha Severa i intellektual'naya sobstvennost': diskussii i problemnye voprosy* [Treasures of the North and Intellectual Property: Discussions and Issues]. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava – Patents and Licenses. Intellectual Rights*. 2018. Issue 6. Pp. 2–7. (In Russ.).
3. Gavrilov E. P., Eremenko V. I. *Kommentariy k chasti chetvertoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (postateynnyy)* [Commentary on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (article by article)]. Moscow, 2009. 978 p. (In Russ.).
4. Gavrilova E. B., Babakova T. S. *Kharakteristika antitela kak tekhnicheskogo resheniya* [Characterization of Antibody as a Technical Solution]. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava – Patents and Licenses. Intellectual Rights*. 2018. Issue 9. Pp. 22–29. (In Russ.).
5. Goldstone J. *Pochemu Evropa? Vozvyshenie Zapada v mirovoy istorii, 1500–1850* [Why Europe? The Rise of the West in World History, 1500–1850]. Moscow, 2014. 302 p. (In Russ.).
6. Eremenko V. I. *Naimenovaniya mest proiskhozhdeniya i geograficheskie ukazaniya: mezhdunarodno-pravovoy aspekt* [Appellations of Origin and Geographical Indications: International Legal Aspect]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika – Legislation and Economy*. 2016. Issue 7. Pp. 58–70. (In Russ.).
7. Eremenko V. I. *Firmennyye naimenovaniya i kommercheskie oboznacheniya: mify i real'nost'* [Trade Names and Commercial Designations: Myths and Reality]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika – Legislation and Economy*. 2015. Issue 11. Pp. 7–15. (In Russ.).
8. Zaytsev Yu. V. *Pravo na osveshchenie sportivnykh meropriyatiy v Rossiyskoy Federatsii* [The Right to Cover Sporting Events in the Russian Federation]. *Sport: ekonomika, pravo, upravlenie – Sport: Economy, Law, Management*. 2010. Issue 4. Pp. 17–18. (In Russ.).
9. *Intellektual'naya sobstvennost' v sovremennom mire / pod red. I. A. Bliznetsa* [Intellectual Property in the Modern World; ed. by I. A. Bliznets]. Moscow, 2016. 896 p. (In Russ.).

автор. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 26 с.

15. Купцова М. В., Бадаева Т. Н. Патенты на антитела: формула изобретения как отражение его сущности // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2019. № 2. С. 33–47.

16. Липчик Д. Авторское право и смежные права. М.: Ладомир, 2002. 788 с.

17. Матвеев А. Г. Круг смежных прав в международном праве и национальных правовых системах // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 484–496. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-484-496.

18. Право интеллектуальной собственности: учебник / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. Т. 1: Общие положения. 512 с.

19. Рузакова О. А., Гринь Е. С. Вопросы развития правового регулирования отношений, объектом которых выступают географические указания // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 42. С. 685–699. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-685-699.

20. Салицкая Е. А. Научное открытие как объект правовой охраны // Вестник гражданского права. 2015. № 4. С. 54–82.

21. Сергеева Н. Ю. Проблемы правового регулирования коммерческих обозначений // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2018. № 12. С. 40–50.

22. Сиджанский Д., Кастанос С. Международная охрана авторского права. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 200 с.

23. Синельникова В. Н. Части живой природы как объекты гражданского оборота: монография. М.: Юрсервитум, 2018. 159 с.

24. Фабричный С. Ю., Рузакова О. А. Новеллы законодательства о промышленных образцах // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2019. № 2. С. 12–19.

25. Фабричный С. Ю., Рузакова О. А. Новеллы о географических указаниях как объектах интеллектуальных прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 12. С. 53–61.

26. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.

27. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 208 с.

28. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Изд. Братьев Башмаковых, 1914. Т. I. 483 с.

29. Шишкин Д. А. Совершенствование законодательства о наименованиях мест происхождения товаров и географических указаниях // ИС. Промышленная собственность. 2017. № 2. С. 32–38.

30. Cabrera Blazquez F. J., Cappello M., Fontaine G., Valais S. Audiovisual Sports Rights – Between Exclusivity and Right to Information. Strasbourg, European Audiovisual Observatory. 2016. 99 p.

31. Colombet C. Major Principles of Copyright and Neighbouring Rights in the World. Paris, UNESCO. 1987. 139 p.

32. Depoorter B. The Several Lives of Mickey Mouse: The Expanding Boundaries of Intellectual Property Law // Virginia Journal of Law and Technology. 2004. Vol. 9, № 4. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=585829 (дата обращения: 01.02.2019).

33. Drahos P. The Universality of Intellectual Property Rights: Origins and Development // Intellectual Property and Human Rights. Geneva: World Intellectual Property Organization, 1999. Pp. 13–41. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/tk/en/wipo_unhchr_ip_pnl_98/wipo_unhchr_ip_pnl_98_1.pdf (дата обращения: 01.02.2019).

34. Goldstein P. International Copyright: Principles, Law, and Practice. New York, 2001. 618 p.

35. Hughes J. A Short History of Intellectual Property' in Relation to Copyright // 33 Cardozo Law Review 1293 (2012). July 11. 2009. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1432860 (дата обращения: 01.02.2019).

36. Koelman K. Copyright in the Courts: Perfume as Artistic Expression? // WIPO Magazine. 2006. № 5.

37. Margoni T. The Protection of Sports Events in the EU: Property, Intellectual Property, Unfair Competition and Special Forms of Protection // International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2016. № 47(4). Pp. 386–417.

38. Ramos A., López L., Rodríguez A., Meng T., Abrams S. The Legal Status of Video Games: Comparative Analysis in National Approaches. WIPO, 2013. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_report_cr_vg.pdf (дата обращения: 01.02.2019).

10. Kantorovich Ya. A. *Literaturnaya sobstvennost'* [Literary Property]. St. Petersburg, 1895. 157 p. (In Russ.).

11. *Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii. Chast' chetvertaya / pod red. A. P. Sergeeva* [Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part Four; ed. by A. P. Sergeev]. Moscow, 2016. 913 p. (In Russ.).

12. *Kommentariy k chasti chetvertoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (postateynnyy) / otv. red. E. A. Pavlova* [Commentary on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (article by article); ed. by E. A. Pavlova]. Moscow, 2018. 928 p. (In Russ.).

13. Kravchenko A.A. *Pravovoy rezhim internet-sayta kak kompleksnogo ob'ekta prava intelektual'noy sobstvennosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [The Legal Regime of the Internet Site as a Complex Object of Intellectual Property Right: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2015. 214 p. (In Russ.).

14. Kuznetsova A. M. *Grazhdansko-pravovaya okhrana rezul'tatov tvorcheskoy deyatel'nosti v sfere sporta v Rossii i zarubezhnykh stranakh: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Civil Law Protection of the Results of Creative Activity in the Field of Sports in Russia and Foreign Countries: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2013. 26 p. (In Russ.).

15. Kuptsova M. V., Badaeva T. N. *Patenty na antitela: formula izobreteniya kak otrazhenie ego sushchnosti* [Antibody Patents: the Claims as a Reflection of the Nature of the Invention]. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava – Patents and Licenses. Intellectual Rights*. 2019. Issue 2. Pp. 33–47. (In Russ.).

16. Lipszyc D. *Avtorskoe pravo i smezhnye prava* [Copyright and Neighboring Rights]. Moscow, 2002. 788 p. (In Russ.).

17. Matveev A. G. *Krug smezhnykh prav v mezhdunarodnom prave i natsional'nykh pravovykh sistemakh* [Neighboring Rights in International Law and National Legal Systems]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2017. Issue 4(38). Pp. 484–496. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-484-496.

18. *Pravo intelektual'noy sobstvennosti: uchebnyy / pod obshch. red. L. A. Novoselovoy* [Intellectual Property Law: Textbook; ed. by L. A. Novoselova]. Vol. 1. Obshchie polozheniya [General Provisions]. Moscow, 2017. 512 p. (In Russ.).

19. Ruzakova O. A., Grin' E. S. *Voprosy razvitiya pravovogo regulirovaniya otnosheniy, ob'ektom kotorykh vystupayut geograficheskie ukazaniya* [Legal Regulation of Relationships Pertaining to Geographical Indications]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2018. Issue 4(42). Pp. 685–699. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-685-699.

20. Salitskaya E.A. *Nauchnoe otkrytie kak ob'ekt pravovoy okhrany* [Scientific Discovery as an Object of Legal Protection]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*. 2015. Issue 4. Pp. 54–82. (In Russ.).

21. Sergeeva N.Yu. *Problemy pravovogo regulirovaniya kommercheskikh oboznacheniy* [Problems of Legal Regulation of Commercial Designations]. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava – Patents and Licenses. Intellectual Rights*. 2018. Issue 12. Pp. 40–50. (In Russ.).

22. Sidjanski D., Castanos S. *Mezhdunarodnaya okhrana avtorskogo prava* [International Copyright Protection]. Moscow, 1958. 200 p. (In Russ.).

23. Sinel'nikova V. N. *Chasti zhivoy prirody kak ob'ekty grazhdanskogo oborota: monografiya* [Parts of Wildlife as Objects of Civil Circulation: Monograph]. Moscow, 2018. 159 p. (In Russ.).

24. *Fabrichnyy S. Yu., Ruzakova O. A. Novelly zakonodatel'stva o promyshlennykh obraztsakh* [Novels of Legislation on Industrial Designs]. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava – Patents and Licenses. Intellectual Rights*. 2019. Issue 2. Pp. 12–19. (In Russ.).

25. *Fabrichnyy S. Yu., Ruzakova O. A. Novelly o geograficheskikh ukazaniyakh kak ob'ektakh intelektual'nykh prav* [Novelties about the Geographical Indications as Intellectual Property Rights]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii – Property Relations in the Russian Federation*. 2018. Issue 12(207). Pp. 53–61. (In Russ.).

26. Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Moscow, 2003. 603 p. (In Russ.).

27. Shwab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow, 2016. 208 p. (In Russ.).

28. *Shershenevich G.F. Uchebnyy russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian Civil Law]. Moscow, 1914. Vol. 1. 483 p. (In Russ.).

39. Reese R. Anthony. Copyrightable Subject Matter in the “Next Great Copyright Act” // Berkeley Technology Law Journal. 2014. Vol. 29, Issue 3. URL: <https://scholarship.law.berkeley.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=2060&context=btlj> (дата обращения: 01.02.2019).

40. Resource Book on TRIPS and Development. Cambridge, Cambridge University Press. 2005. 846 p.

41. Samuelson P. Evolving Conceptions of Copyright Subject Matter // University of Pittsburgh Law Review. 2016. Vol. 78. № 1. URL: <https://lawreview.law.pitt.edu/ojs/index.php/lawreview/article/view/427> (дата обращения: 01.02.2019).

42. Soares Marcelo, Kauffman Marcos. Industry 4.0: Horizontal Integration and Intellectual Property Law Strategies In England. URL: https://www.researchgate.net/publication/326237676_Industry_40_Horizontal_Integration_and_Intellectual_Property_Law_Strategies_In_England (дата обращения: 01.02.2019).

References

1. Bernhöft F., Kohler J. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. St. Petersburg, 1909. 407 p. (In Russ.).

2. Buzova N. V. *Sokrovishcha Severa i intellektual'naya sobstvennost': diskussii i problemnye voprosy* [Treasures of the North and Intellectual Property: Discussions and Issues]. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava – Patents and Licenses. Intellectual Rights.* 2018. Issue 6. Pp. 2–7. (In Russ.).

3. Gavrilov E. P., Eremenko V. I. *Kommentariy k chasti chetvertoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (postateyny)* [Commentary on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (article by article)]. Moscow, 2009. 978 p. (In Russ.).

4. Gavrilova E.B., Babakova T.S. *Kharakteristika antitela kak tekhnicheskogo resheniya* [Characterization of Antibody as a Technical Solution]. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava – Patents and Licenses. Intellectual Rights.* 2018. Issue 9. Pp. 22–29. (In Russ.).

5. Goldstone J. *Pochemu Evropa? Vozvyschenie Zapada v mirovoy istorii, 1500–1850* [Why Europe? The Rise of the West in World History, 1500–1850]. Moscow, 2014. 302 p. (In Russ.).

6. Eremenko V. I. *Naimenovaniya mest proiskhozhdeniya i geograficheskie ukazaniya: mezhdunarodno-pravovoy aspekt* [Appellations of Origin and Geographical Indications: International Legal Aspect]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika – Legislation and Economy.* 2016. Issue 7. Pp. 58–70. (In Russ.).

7. Eremenko V.I. *Firmennye naimenovaniya i kommercheskie oboznacheniya: mify i real'nost'* [Trade Names and Commercial Designations: Myths and Reality]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika – Legislation and Economy.* 2015. Issue 11. Pp. 7–15. (In Russ.).

8. Zaytsev Yu.V. *Pravo na osveshchenie sportivnykh meropriyatiy v Rossiyskoy Federatsii* [The Right to Cover Sporting Events in the Russian Federation]. *Sport: ekonomika, pravo, upravlenie – Sport: Economy, Law, Management.* 2010. Issue 4. Pp. 17–18. (In Russ.).

9. *Intellektual'naya sobstvennost' v sovremennom mire / pod red. I. A. Blizneta* [Intellectual Property in the Modern World; ed. by I. A. Bliznets]. Moscow, 2016. 896 p. (In Russ.).

10. Kantorovich Ya. A. *Literaturnaya sobstvennost'* [Literary Property]. St. Petersburg, 1895. 157 p. (In Russ.).

11. *Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii. Chast' chetvertaya / pod red. A. P. Sergeeva* [Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part Four; ed. by A. P. Sergeev]. Moscow, 2016. 913 p. (In Russ.).

12. *Kommentariy k chasti chetvertoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (postateyny) / otv. red. E. A. Pavlova* [Commentary on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (article by article); ed. by E. A. Pavlova]. Moscow, 2018. 928 p. (In Russ.).

13. Kravchenko A.A. *Pravovoy rezhim internet-sayta kak kompleksnogo ob'ekta prava intellektual'noy sobstvennosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [The Legal Regime of the Internet Site as a Complex Object of Intellectual Property Right: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2015. 214 p. (In Russ.).

14. Kuznetsova A. M. *Grazhdansko-pravovaya okhrana rezul'tatov tvorcheskoy deyatel'nosti v sfere sporta v Rossii i zarubezhnykh stranakh: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Civil Law Protection of the Results of Creative Activity in the Field of Sports in Russia and Foreign Countries: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2013. 26 p. (In Russ.).

29. Shishkin D. A. *Sovershenstvovanie zakonodatel'stva o naimenovaniyakh mest proiskhozhdeniya tovarov i geograficheskikh ukazaniyakh* [Improving Legislation on Naming Place of Origin of Goods and Geographical Indication]. *IS. Promyshlennaya sobstvennost' – Intellectual Property. Industrial Property.* 2017. Issue 2. Pp. 32–38. (In Russ.).

30. Cabrera Blazquez F.J., Cappello M., Fontaine G., Valais S. *Audiovisual Sports Rights – between Exclusivity and Right to Information.* Strasbourg, European Audiovisual Observatory, 2016. 99 p. (In Eng.).

31. Colombet C. *Major Principles of Copyright and Neighbouring Rights in the World.* Paris: UNESCO, 1987. 139 p. (In Eng.).

32. Depoorter Ben. *The Several Lives of Mickey Mouse: The Expanding Boundaries of Intellectual Property Law.* Virginia Journal of Law and Technology. Spring 2004. Vol. 9. Issue 4. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=585829 (accessed 01.02.2019). (In Eng.).

33. Drahos P. *The Universality of Intellectual Property Rights: Origins and Development.* Intellectual Property and Human Rights. Geneva: World Intellectual Property Organization, 1999. Pp. 13–41. Available at: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/tk/en/wipo_unhchr_ip_pnl_98/wipo_unhchr_ip_pnl_98_1.pdf (accessed 01.02.2019). (In Eng.).

34. Goldstein P. *International Copyright: Principles, Law, and Practice.* New York, 2001. 618 p. (In Eng.).

35. Hughes J. *A Short History of Intellectual Property' in Relation to Copyright* (July 11, 2009). *Cardozo Law Review.* 2012. Vol. 33. Issue 4. Pp. 1293–1340. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1432860 (accessed 01.02.2019). (In Eng.).

36. Koelman K. *Copyright in the Courts: Perfume as Artistic Expression?* WIPO Magazine. 2006. Issue 5. Pp. 2–3. (In Eng.).

37. Margoni T. *The Protection of Sports Events in the EU: Property, Intellectual Property, Unfair Competition and Special Forms of Protection.* *International Review of Intellectual Property and Competition Law.* 2016. Issue 47(4). Pp. 386–417. (In Eng.).

38. Ramos A., Lypez L., Rodriguez A., Meng T., Abrams S. *The Legal Status of Video Ga-*

mes: Comparative Analysis in National Approaches. WIPO, 2013. Available at: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_report_cr_vg.pdf (accessed 01.02.2019). (In Eng.).

39. Reese R. Anthony. Copyrightable Subject Matter in the “Next Great Copyright Act”. Berkeley Technology Law Journal. 2014. Vol. 29. Issue 3. Available at: <https://scholarship.law.berkeley.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=2060&context=btlj> (accessed 01.02.2019). (In Eng.).

40. Resource Book on TRIPS and Development. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 846 p. (In Eng.).

41. Samuelson P. Evolving Conceptions of Copyright Subject Matter. University of Pittsburgh Law Review. 2016. Vol. 78. Issue 1. Available at: <https://lawreview.law.pitt.edu/ojs/index.php/lawreview/article/view/427> (accessed 01.02.2019). (In Eng.).

42. Soares Marcelo, Kauffman Marcos. Industry 4.0: Horizontal Integration and Intellectual Property Law Strategies in England. Available at: https://www.researchgate.net/publication/326237676_Industry_40_Horizontal_Integration_and_Intellectual_Property_Law_Strategies_In_England (accessed 01.02.2019). (In Eng.).

References in Russians

1. Бернгофт Ф., Кохлер Й. *Гражданское право.* СПб., 1909. 407 с.

2. Бузова Н. В. *Сокровища Севера и интеллектуальная собственность: дискуссии и проблемные вопросы // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права.* 2018. № 6. С. 2–7.

3. Гаврилов Э. П., Еременко В. И. *Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный).* М.: Экзамен, 2009. 978 с.

4. Гаврилова Е. Б., Бабакова Т.С. *Характеристика антитела как технического решения // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права.* 2018. № 9. С. 22–29.

5. Голдстоун Дж. *Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850.* М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 302 с.

6. Еременко В. И. *Наименования мест происхождения и географические указания: международно-правовой аспект // Законодательство и экономика.* 2016. № 7. С. 58–70.

15. Kuptsova M. V., Badaeva T. N. *Patenty na antitela: formula izobreteniya kak otrazhenie ego sushchnosti* [Antibody Patents: the Claims as a Reflection of the Nature of the Invention]. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava – Patents and Licenses*. Intellectual Rights. 2019. Issue 2. Pp. 33–47. (In Russ.).

16. Lipszyc D. *Avtorskoe pravo i smezhnye prava* [Copyright and Neighboring Rights]. Moscow, 2002. 788 p. (In Russ.).

17. Matveev A. G. *Krug smezhnykh prav v mezhdunarodnom prave i natsional'nykh pravovykh sistemakh* [Neighboring Rights in International Law and National Legal Systems]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2017. Issue 4(38). Pp. 484–496. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-484-496.

18. *Pravo intellektual'noy sobstvennosti: uchebnyk / pod obshch. red. L. A. Novoselovoy* [Intellectual Property Law: Textbook; ed. by L. A. Novoselova]. Vol. 1. Obshchie polozheniya [General Provisions]. Moscow, 2017. 512 p. (In Russ.).

19. Ruzakova O. A., Grin' E. S. *Voprosy razvitiya pravovogo regulirovaniya otnosheniy, ob'ektom kotorykh vystupayut geograficheskie ukazaniya* [Legal Regulation of Relationships Pertaining to Geographical Indications]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2018. Issue 4(42). Pp. 685–699. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-685-699.

20. Salitskaya E. A. *Nauchnoe otkrytie kak ob'ekt pravovoy okhrany* [Scientific Discovery as an Object of Legal Protection]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*. 2015. Issue 4. Pp. 54–82. (In Russ.).

21. Sergeeva N. Yu. *Problemy pravovogo regulirovaniya kommercheskikh oboznacheniy* [Problems of Legal Regulation of Commercial Designations]. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava – Patents and Licenses. Intellectual Rights*. 2018. Issue 12. Pp. 40–50. (In Russ.).

22. Sidjanski D., Castanos S. *Mezhdunarodnaya okhrana avtorskogo prava* [International Copyright Protection]. Moscow, 1958. 200 p. (In Russ.).

23. Sinel'nikova V. N. *Chasti zhivoy prirody kak ob'ekty grazhdanskogo oborota: monografiya* [Parts of Wildlife as Objects of Civil Circulation: Monograph]. Moscow, 2018. 159 p. (In Russ.).

24. *Fabrichnyy S. Yu., Ruzakova O. A. Novel'ly zakonodatel'stva o promyshlennykh obraztsakh* [Novels of Legislation on Industrial Designs]. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava – Patents and Licenses. Intellectual Rights*. 2019. Issue 2. Pp. 12–19. (In Russ.).

25. *Fabrichnyy S. Yu., Ruzakova O. A. Novel'ly o geograficheskikh ukazaniyakh kak ob'ektakh intellektual'nykh prav* [Novelties about the Geographical Indications as Intellectual Property Rights]. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii – Property Relations in the Russian Federation*. 2018. Issue 12(207). Pp. 53–61. (In Russ.).

26. Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Moscow, 2003. 603 p. (In Russ.).

27. Shwab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow, 2016. 208 p. (In Russ.).

28. Shershenevich G. F. *Uchebnyk russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian Civil Law]. Moscow, 1914. Vol. 1. 483 p. (In Russ.).

29. Shishkin D. A. *Sovershenstvovanie zakonodatel'stva o naimenovaniyakh mest proiskhozhdeniya tovarov i geograficheskikh ukazaniyakh* [Improving Legislation on Naming Place of Origin of Goods and Geographical Indication]. *IS. Promyshlennaya sobstvennost' – Intellectual Property. Industrial Property*. 2017. Issue 2. Pp. 32–38. (In Russ.).

30. Cabrera Blazquez F. J., Cappello M., Fontaine G., Valais S. *Audiovisual Sports Rights – between Exclusivity and Right to Information*. Strasbourg, European Audiovisual Observatory, 2016. 99 p. (In Eng.).

31. Colombet C. *Major Principles of Copyright and Neighbouring Rights in the World*. Paris: UNESCO, 1987. 139 p. (In Eng.).

32. Depoorter Ben. *The Several Lives of Mickey Mouse: The Expanding Boundaries of Intellectual Property Law*. *Virginia Journal of Law and Technology*. Spring 2004. Vol. 9. Issue 4. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=585829 (accessed 01.02.2019). (In Eng.).

33. Drahos P. *The Universality of Intellectual Property Rights: Origins and Development*. Intellectual Property and Human Rights. Geneva: World Intellectual Property Organization, 1999. Pp. 13–41. Available at: <https://www.wipo.int/>

7. Еременко В. И. *Фирменные наименования и коммерческие обозначения: мифы и реальность* // *Законодательство и экономика*. 2015. № 11. С. 7–15.

8. Зайцев Ю. В. *Право на освещение спортивных мероприятий в Российской Федерации* // *Спорт: экономика, право, управление*. 2010. № 4. С. 17–18.

9. *Интеллектуальная собственность в современном мире / под ред. И. А. Близнеца*. М.: Проспект, 2016. 896 с.

10. Канторович Я. А. *Литературная собственность*. СПб., 1895. 157 с.

11. *Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвертая / под ред. А. П. Сергеева*. М.: Проспект, 2016. 913 с.

12. *Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Е. А. Павлова*. М.: ИЦЧП им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. 928 с.

13. Кравченко А. А. *Правовой режим интернет-сайта как комплексного объекта права интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2015. 214 с.

14. Кузнецова А. М. *Гражданско-правовая охрана результатов творческой деятельности в сфере спорта в России и зарубежных странах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2013. 26 с.

15. Куцкова М. В., Бадаева Т. Н. *Патенты на антитела: формула изобретения как отражение его сущности* // *Патенты и лицензии. Интеллектуальные права*. 2019. № 2. С. 33–47.

16. Липчик Д. *Авторское право и смежные права*. М.: Ладомир, 2002. 788 с.

17. Матвеев А. Г. *Кружмежные права в международном праве и национальных правовых системах* // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2017. Вып. 38. С. 484–496. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-484-496.

18. *Право интеллектуальной собственности: учебник / под общ. ред. Л. А. Новоселовой*. М.: Статут, 2017. Т. 1: Общие положения. 512 с.

19. Ружакова О. А., Гринь Е. С. *Вопросы развития правового регулирования отношений, объектом которых выступают географические указания* // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2018. Вып. 42. С. 685–699. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-685-699.

20. Салицкая Е. А. *Научное открытие как объект правовой охраны* // *Вестник гражданского права*. 2015. № 4. С. 54–82.

21. Сергеева Н. Ю. *Проблемы правового регулирования коммерческих обозначений // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права*. 2018. № 12. С. 40–50.

22. Сиджанский Д., Кастанос С. *Международная охрана авторского права*. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 200 с.

23. Синельникова В. Н. *Части живой природы как объекты гражданского оборота: монография*. М.: Юрсервитум, 2018. 159 с.

24. *Фабричный С. Ю., Рузакова О. А. Новеллы законодательства о промышленных образцах* // *Патенты и лицензии. Интеллектуальные права*. 2019. № 2. С. 12–19.

25. *Фабричный С. Ю., Рузакова О. А. Новеллы о географических указаниях как объектах интеллектуальных прав* // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2018. № 12. С. 53–61.

26. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.

27. Шваб К. *Четвертая промышленная революция*. М.: Эксмо, 2016. 208 с.

28. Шершеневич Г. Ф. *Учебник русского гражданского права*. М.: Изд. Братьев Башмаковых, 1914. Т. I. 483 с.

29. Шишкин Д. А. *Совершенствование законодательства о наименованиях мест происхождения товаров и географических указаниях* // *ИС. Промышленная собственность*. 2017. № 2. С. 32–38.

30. Cabrera Blazquez F. J., Cappello M., Fontaine G., Valais S. *Audiovisual Sports Rights – Between Exclusivity and Right to Information*. Strasbourg, European Audiovisual Observatory, 2016. 99 p.

31. Colombet C. *Major Principles of Copyright and Neighbouring Rights in the World*. Paris, UNESCO, 1987. 139 p.

32. Depoorter B. *The Several Lives of Mickey Mouse: The Expanding Boundaries of Intellectual Property Law* // *Virginia Journal of Law and Technology*. 2004. Vol. 9, № 4. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=585829 (дата обращения: 01.02.2019).

33. Drahos P. *The Universality of Intellectual Property Rights: Origins and Development* // *Intel-*

edocs/mdocs/tk/en/wipo_unhchr_ip_pnl_98/wipo_unhchr_ip_pnl_98_1.pdf (accessed 01.02.2019). (In Eng.).

34. *Goldstein P.* International Copyright: Principles, Law, and Practice. New York, 2001. 618 p. (In Eng.).

35. *Hughes J.* A Short History of Intellectual Property' in Relation to Copyright (July 11, 2009). *Cardozo Law Review*. 2012. Vol. 33. Issue 4. Pp. 1293–1340. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1432860 (accessed 01.02.2019). (In Eng.).

36. *Koelman K.* Copyright in the Courts: Perfume as Artistic Expression? *WIPO Magazine*. 2006. Issue 5. Pp. 2–3. (In Eng.).

37. *Margoni T.* The Protection of Sports Events in the EU: Property, Intellectual Property, Unfair Competition and Special Forms of Protection. *International Review of Intellectual Property and Competition Law*. 2016. Issue 47(4). Pp. 386–417. (In Eng.).

38. *Ramos A., López L., Rodríguez A., Meng T., Abrams S.* The Legal Status of Video Games: Comparative Analysis in National Approaches. WIPO, 2013. Available at: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_report_cr_vg.pdf (дата обращения: 01.02.2019).

int/edocs/pubdocs/en/wipo_report_cr_vg.pdf (accessed 01.02.2019). (In Eng.).

39. *Reese R. Anthony.* Copyrightable Subject Matter in the “Next Great Copyright Act”. *Berkeley Technology Law Journal*. 2014. Vol. 29. Issue 3. Available at: <https://scholarship.law.berkeley.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=2060&context=btlj> (accessed 01.02.2019). (In Eng.).

40. *Resource Book on TRIPS and Development.* Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 846 p. (In Eng.).

41. *Samuelson P.* Evolving Conceptions of Copyright Subject Matter. *University of Pittsburgh Law Review*. 2016. Vol. 78. Issue 1. Available at: <https://lawreview.law.pitt.edu/ojs/index.php/lawreview/article/view/427> (accessed 01.02.2019). (In Eng.).

42. *Soares Marcelo, Kauffman Marcos.* Industry 4.0: Horizontal Integration and Intellectual Property Law Strategies in England. Available at: https://www.researchgate.net/publication/326237676_Industry_40_Horizontal_Integration_and_Intellectual_Property_Law_Strategies_In_England (accessed 01.02.2019). (In Eng.).

lectual Property and Human Rights. Geneva: World Intellectual Property Organization, 1999. Pp. 13–41. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/tk/en/wipo_unhchr_ip_pnl_98/wipo_unhchr_ip_pnl_98_1.pdf (дата обращения: 01.02.2019).

34. *Goldstein P.* International Copyright: Principles, Law, and Practice. New York, 2001. 618 p.

35. *Hughes J.* A Short History of Intellectual Property' in Relation to Copyright // *33 Cardozo Law Review* 1293 (2012). July 11, 2009. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1432860 (дата обращения: 01.02.2019).

36. *Koelman K.* Copyright in the Courts: Perfume as Artistic Expression? // *WIPO Magazine*. 2006. № 5.

37. *Margoni T.* The Protection of Sports Events in the EU: Property, Intellectual Property, Unfair Competition and Special Forms of Protection // *International Review of Intellectual Property and Competition Law*. 2016. № 47(4). Pp. 386–417.

38. *Ramos A., Lopez L., Rodriguez A., Meng T., Abrams S.* The Legal Status of Video Games: Comparative Analysis in National Approaches. WIPO, 2013. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_report_cr_vg.pdf (дата обращения: 01.02.2019).

pubdocs/en/wipo_report_cr_vg.pdf (дата обращения: 01.02.2019).

39. *Reese R. Anthony.* Copyrightable Subject Matter in the “Next Great Copyright Act” // *Berkeley Technology Law Journal*. 2014. Vol. 29, Issue 3. URL: <https://scholarship.law.berkeley.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=2060&context=btlj> (дата обращения: 01.02.2019).

40. *Resource Book on TRIPS and Development.* Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 846 p.

41. *Samuelson P.* Evolving Conceptions of Copyright Subject Matter // *University of Pittsburgh Law Review*. 2016. Vol. 78. № 1. URL: <https://lawreview.law.pitt.edu/ojs/index.php/lawreview/article/view/427> (дата обращения: 01.02.2019).

42. *Soares Marcelo, Kauffman Marcos.* Industry 4.0: Horizontal Integration and Intellectual Property Law Strategies In England. URL: https://www.researchgate.net/publication/326237676_Industry_40_Horizontal_Integration_and_Intellectual_Property_Law_Strategies_In_England (дата обращения: 01.02.2019).